

Учение вѣры и дисциплина въ церкви христіанской.

Области вѣры и дисциплины явственно были различаемы и въ официальной дѣятельности соборовъ церкви, что выражалось, разумѣется, и въ официальной терминологіи. Самая ранняя формула тѣхъ задачъ, какія возлагались на соборы, была выражена такъ: „собираясь въ одно мѣсто изслѣдуйте, что прилично и полезно братіямъ.“ (Посланіе Варнавы, гл. 4). Позднѣе 37-е апостольское правило задачи соборовъ опредѣляетъ такъ: „да разсуждаютъ (епископы) между собою о догматахъ благочестія“ (*τὰ δόγματα τῆς εὐσεβείας*) и „да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія“. Что такое церковныя прекословія, разрѣшеніе которыхъ правило возлагаетъ на соборы? Вальсамонъ понимаетъ это какъ „разрѣшеніе сомнѣній“, но какихъ— догматическихъ или дисциплинарныхъ? Нельзя не замѣтить прежде всего, что въ первые вѣка дисциплинарные вопросы лишь въ исключительныхъ случаяхъ восходили на соборное разсмотрѣніе, такъ какъ водвореніе совершенно единообразнаго дисциплинарнаго строя не считалось погребностію вселенской церкви,—какъ это замѣтно стало впослѣдствіи, и издавались собственно не каноны, какъ нормы всеобщія, — а совершенно относительныя и мѣстныя рѣшенія дисциплинарныхъ вопросовъ, что съ канонами не одно и тоже. Этотъ характеръ соборныхъ рѣшеній происходилъ отъ того, что, съ одной стороны, основныя черты устройства и управленія церкви считались внѣ всякихъ прекословій какъ данныя уже въ самомъ Писаніи, и могли возникать только вопросы подробностей, (какъ на примѣръ, вопросъ о числѣ діаконовъ въ каждомъ городѣ, возникшій на неокесарійскомъ соборѣ),—а съ другой—потому, что по церков-

нымъ воззрѣніямъ первыхъ вѣковъ и каждый отдѣльный епископъ мыслился какъ полный и самостоятельный распорядитель всего, что относилось до подробностей въ церковномъ устройствѣ и церковномъ управленіи, конечно это — въ предѣлахъ нерушимости основныхъ положеній и при условіи неприкосновенности вѣры. Вслѣдствіе этого—опредѣленія соборовъ въ первые вѣка (и даже трудно сказать— до какого времени далѣе) имѣли силу только въ тѣхъ мѣстностяхъ, епископы которыхъ посылались на соборъ; для церквей же, епископы которыхъ не участвовали на извѣстныхъ соборахъ, соборныя опредѣленія этихъ соборовъ не считались обязательными: такъ опредѣляетъ права епископовъ безпристрастный изслѣдователь ⁸⁷⁾). Вслѣдствіе этого же неудивительно будетъ, что указанное апостольское правило, выдѣляя „догматы благочестія“, какъ предметы соборной дѣятельности, не говоритъ, подобно тому какъ это было позднѣе, до очевидности раздѣльно и о дисциплинѣ, а по всей видимости эту сторону церковной жизни включаетъ въ категорію случающихся прекословіи,—такъ какъ такой прекословный характеръ дисциплинарныя вопросы и имѣли, когда восходили до соборнаго разсмотрѣнія, — на примѣръ споръ о пасхѣ, о крещеніи еретиковъ, какъ почти и всѣ вообще Апостольскія Правила носятъ въ себѣ слѣды того, что они или отвергаютъ дисциплинарныя нововведенія (на примѣръ, епископъ да не изгонитъ жены своей), или приводятъ къ единообразному рѣшенію то, что до сего времени не было единообразно рѣшаемо ⁸⁸⁾). Но во всякомъ слу-

⁸⁷⁾ Преосв. Сильвестръ, Ученіе о Церкви въ первые три вв. Кіевъ, 1872, стр. 188. 317.

⁸⁸⁾ Позднѣе задача соборовъ въ отношеніи къ дисциплинѣ опредѣляема была такитъ образомъ: „разматривать вновь возникающіе вопросы, какъ еще неясные и совершенно непонятные“, если они не рѣшены уже въ Священномъ Писаніи. Дѣян. Пом. Соб. русск. пер., стр. 112. Но возникавшія прекословія въ вопросахъ дисциплины на соборахъ хотя обыкновенно и были разрѣшаемы, но тѣмъ не менѣе не всегда рѣшаемы такимъ образомъ, чтобы давалось такъ сказать *единственное* только рѣшеніе, какъ это естественно бывало въ рѣшеніяхъ вопросовъ догматическихъ; наоборотъ и сами соборы принимать или не принимать ихъ рѣшеніе иногда представляли усмотрѣнію каждой Церкви. Такъ одно изъ Карфагенскихъ правилъ, сдѣлавъ постановленіе о воздержаніи клириковъ отъ собственныхъ

чаѣ 37 Апостольское правило служить яснымъ доказательствомъ, что предметы соборной дѣятельности различались на двѣ категоріи: „догматы благочестія“, о которыхъ епископы „разсуждаютъ“ другъ съ другомъ, и „церковныя пре-
кословія“, которыя они „разрѣшаютъ“ иначе сказать, — вѣра и дисциплина. Къ числу не очень ясныхъ свидѣ-
тельствъ о предметѣ дѣятельности древнихъ соборовъ, отно-
сится свидѣтельство Тертуліана, что „въ нѣкоторыхъ мѣ-
стахъ Греціи собираются изъ всѣхъ церквей соборы, на ко-
торыхъ сообща разсматриваются важнѣйшіе вопросы“ (altiora,
de Jejun. с. 13). Но едва ли должно думать, чтобы это
свидѣтельство представляло собою что либо особенное по
сравненію съ свидѣтельствомъ указаннаго апостольскаго
правила, т. е. чтобы подъ этими важнѣйшими вопросами
Тертуліанъ подразумѣвалъ исключительно „догматы бла-
гочестія“, или же наоборотъ исключительно вопросы дисци-
плины. Если же за тѣмъ признать примѣнимымъ къ де-
Никейскому періоду то безспорное различіе между соборами,
что одни изъ нихъ были соборами исключительными, дру-
гіе — соборами регулярными, какими являются соборы еже-
годные, по апостольскому правилу: то вмѣстѣ съ этимъ
должно будетъ признать и то, что регулярные соборы въ
качествѣ органа собственнаго *управленія*, а не *законоди-
тельства* болѣе имѣли дѣло съ вопросами церковной дисци-
плины, нежели съ вопросами вѣры. Фирмилианъ въ письмѣ къ
Кипріану, на разныхъ аналогіяхъ утверждая мысль о важ-
ности церковнаго управленія на началахъ соборности (на-
примѣръ: „за тѣмъ то и пророковъ такъ много, чтобы бо-
жественная мудрость была распредѣлена на многихъ“), о
предметахъ соборной дѣятельности гозоритъ: „по той же
причинѣ и у насъ признано необходимымъ собираться еже-
годно старѣйшинамъ и начальникамъ вмѣстѣ, для распо-
ряженій по дѣламъ ввѣреннымъ нашему попеченію, для рѣ-
шенія важнѣйшихъ изъ нихъ общимъ совѣтомъ“ и т. д. ³⁹⁾.
Если же наконецъ приходится признать тѣмъ не менѣе (по

женъ, однакоже заключило это правило такимъ прибавленіемъ: „впрочемъ
слѣдуетъ соблюдать обычай каждой церкви“ *ibid.* 162.

³⁹⁾ Mansi, t. I, p. 911, ср. русскій перев. Твореній Кипріана, ч. I,
стр. 326.

причинѣ относительной скудости памятниковъ соборной дѣятельности), что такую отчетливость въ различеніи вѣры и дисциплины, какая видна въ соборахъ послѣдующаго времени, не всегда можно бываетъ *усмотрѣть* и указать въ доникейское время; то это отчасти и потому, что доникейская терминологія нѣсколько отлична отъ терминологіи послѣдующей. Такъ, самое употребительное въ области вопросовъ дисциплины слово: канонъ, въ послѣдующее время какъ бы самымъ фактомъ своего употребленія въ томъ или другомъ случаѣ обыкновенно указывавшее на область дисциплины, въ первые три вѣка употреблялись не съ тѣмъ исключительномъ значеніемъ съ какимъ стало употребляться позднѣе. „Канонъ“ первоначально употреблялся для того, чтобы обозначить *правило вѣры*, и лишь рѣдко какъ образецъ и принятый *способъ дѣйствія* въ извѣстныхъ случаяхъ, но все таки и здѣсь, въ послѣднемъ случаѣ, не какъ *правило* или *законъ*, изданный соотвѣтствующею властію. Такъ приводимый св. Василиемъ В. отрывокъ изъ Діонисія Римскаго (+ 259) указываетъ на то, что „типъ и канонъ“ (*τύπος και κανόν*) Діонисій употреблялъ въ смыслѣ примѣра предшественниковъ, усвоеннаго преемниками по служенію ⁹⁰⁾. Но примѣръ, конечно, не правило и не законъ. Тоже, что послѣ Никейскаго собора почти исключительно было называемо канонами, въ раннѣйшее время было называемо: *ῥοος*, *definitiones*. Такъ извѣстный Ипполитъ, когда о Римскомъ папѣ Зефиринѣ выражался какъ о „несвѣдущемъ въ церковныхъ опредѣленіяхъ“, *ῥοος*; то конечно разумѣлъ не невѣдѣніе папы въ догматахъ и вѣроученіи, а именно въ томъ, что впослѣдствіи называлось канонами.—Теперь дальнѣйшій вопросъ должно составлять то, какъ соборы послѣ никейскаго времени разграничивали области вѣры и дисциплины?

Когда соборы давали рѣшеніе вопросовъ вѣроученія, то соборныя опредѣленія значились терминомъ: *ἔκθεσις πιστεως*. Отъ вѣроопредѣленія уже совершенно различались: *κανόνες* и *ῥοοι τῆς συνόδου*. Термины: „Каноны и опредѣленія“ на соборахъ всегда почти получали приложеніе къ дисциплинѣ, а если и встрѣчаются случаи того, что и для вѣроизложе-

⁹⁰⁾ *Routh*, Rel. sacrae. IV, 202; ср. твор. Василия В. р. п. ч. III, 343.

ній употреблялся терминъ „опредѣленія“: то эти случаи отступленій имѣють особый смыслъ, который, какъ представляется думать, заключается въ слѣдующемъ. Догматы о двухъ естествахъ, о двухъ воляхъ, объ иконопочитаніи въ актахъ вселенскихъ соборовъ въ подлинномъ текстѣ названы „опредѣленіями“ (*δρσι*): разумѣемъ акты соборные, хотя въ нашей Книгѣ Правиль этотъ терминъ замѣненъ терминомъ догмата ⁹¹⁾. Но спрашивается: развѣ ученіе о двухъ воляхъ не есть предметъ или членъ вѣры? Конечно, предметъ и членъ вѣры; но опредѣленіемъ это ученіе можетъ быть названо потому, что оно (ученіе) дано церковью въ разрѣшеніе дальнѣйшихъ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ изложенія вѣры, даннаго въ символѣ, въ которомъ вопросы эти *не были еще рѣшены* и вслѣдствіе этого подвержены были разногласію. Аутентичное и всеобщезаключительное рѣшеніе и было дано въ этомъ „опредѣленіи“ касательно возникшаго вопроса. И стало быть „опредѣленіемъ“ догматъ о двухъ воляхъ можетъ быть названъ не потому, чтобы *по содержанію* своему онъ не относился къ вопросу о вѣрѣ, иначе—не по существу содержанія, а по обстоятельствамъ, сопутствовавшимъ внесенію этого догмата въ сумму всеобщезаключительнаго церковнаго ученія. Что же касается до ученія объ иконопочитаніи; то это ученіе еще естественнѣе было назвать опредѣленіемъ потому, что по содержанію своему, оно касается вопроса литургическаго, а не умозрительнаго. Но такъ какъ по степени обязательности ученіе объ иконопочитаніи имѣетъ свойство члена вѣры, т. е. обязательность въ извѣстномъ смыслѣ безусловную; то опредѣленіе VII вселенскаго собора можно назвать какъ-бы *догматическимъ канономъ* безъ опасенія соединить два несомвѣстимыхъ понятія: то есть, понимая подъ „догматическимъ канономъ“ такой канонъ, которому никогда, ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть противуканона, или рѣшенія иного, кромѣ даннаго,—что наоборотъ и бывало въ исторіи рѣшеній и опредѣленій чистодисциплинарныхъ. Примѣры такихъ догматическихъ каноноровъ въ исторіи древней церкви можно указать и ранѣе VII все-

⁹¹⁾ См. Дѣян. Всел. Соб. по русск. пер. т. VI, 472 — 2; VII, 592 и Кн. правилъ.

ленскаго собора. Такъ, очевидно, 49 апостольское правило хотя опредѣляетъ *способъ крещенія*, но даетъ канонъ равносильный, по своей обязательности, члену вѣры: крещеніе „не по Господню учрежденію“ въ смыслѣ крещенія не во имя Троицы, а во имя трехъ безконечныхъ и проч. никогда не могло быть принято и не будетъ принято ⁹²⁾). Что только исключительныя условія, при которыхъ составлялись вѣроопредѣленія послѣ времени изданія никеопареградскаго символа, измѣнили терминологию такъ сказать основную, это видно изъ сопоставленія слѣдующихъ данныхъ. „Вѣруемъ“, „сія вѣра апостольская“; „мы содержимъ и исповѣдуемъ вѣру такъ, какъ приняли ее: вотъ сія вѣра“: въ такихъ словахъ *первый* вселенскій соборъ выражается о своемъ вѣроизложеніи, извѣстномъ подъ именемъ символа вѣры. *Второй* Вселенскій соборъ, посылая свои правила императору Θεодосію, свою дѣятельность опредѣляетъ такъ: „сначала мы возобновили согласіе между собою; потомъ изрекли краткія опредѣленія, въ которыхъ утвердили *вѣру отцовъ*“. Это главное въ дѣятельности собора. Но „кромѣ того постановили точныя *правила о благоустройствѣ церквей*“, или, какъ выражался относительно благоустройства *третьей* Вселенскій соборъ, правила, относительно того, „что полезно и необходимо для согласія и общенія, и благоустройства“ ⁹³⁾).

⁹²⁾ Что въ церкви не только можетъ, но и должно быть то, что мы называемъ догматическими канонами, причемъ такіе Каноны нѣтъ надобности именовать и догматами, эта мысль встрѣчается въ нашей богословской литературѣ подъ видомъ того положенія, что „церковь можетъ утвердить за извѣстными, хотя бы и частными правилами церковной дисциплины *авторитетъ неизмѣнности на послѣдующія времена*“. Смот. прот. *Иванцова-Платонова*: О Римскомъ богослуженіи, въ Душопол. Чтен. 1868, II, 234.

⁹³⁾ Дѣян. Всел. Соб. русск. пер. т. I. стр. 263 — 4, 192—3; II, 23—24. Въ извѣстномъ посланіи Евсевія (Дѣян. I. 193) Кесарійскаго о томъ, что было на первомъ Вселенскомъ соборѣ, читаемъ: „изложеніе (вѣры) было выслушано; императоръ не повѣдалъ, что онъ самъ такъ же мыслить и потому велѣлъ подписать содержащіяся въ изложеніи догматы. Изложеніе же вѣры слѣдующее: вѣруемъ и проч.— Относительно выраженія II Всел. собора: „изрекли опредѣленія“ нужно имѣть въ виду содержаніе перваго канона этого собора: „вѣра отцовъ, собравшихся въ Никеѣ, да не отменяется“, то-есть, имѣется въ виду неприкосновенность вѣроизложенія, въ смыслѣ неприкосновенности редакціи никейскаго символа. Въ посланіи къ Римской церкви II Всел. соборъ извѣщаетъ ее: „на соборѣ мы изложили

Въ актахъ третьяго же Вселенскаго собора видимъ, что правила въ собственномъ смыслѣ (каноны) соборъ озаглавливаются какъ то, „чтò постановлено было на соборѣ“, и постановленное соборъ формулируетъ въ правила для того, чтобы „тѣ, которые не были на соборѣ, не оставались въ невѣдѣннн о постановленномъ“ ⁴¹⁾. *Четвертый* Вселенскій соборъ символъ I и II соборовъ называетъ „вѣроу“ и себя объявляетъ состоявшимся „преимущественно“ ради утверждения вѣры, чтобы „*ученіе о предметахъ вѣры было правильное*“. Поэтому, дѣлая свое „опредѣленіе“, — чѣмъ, какъ мы сказали, вносилась особенность въ терминологию, — относительно догматическаго вопроса, этотъ соборъ однако предпосылаетъ опредѣленію такое разсужденіе: послѣдующе божественнымъ отцемъ, вси единогласно поучаемъ *исповѣдывати (δμολογεῖν)* Единого и тогожде Сына и проч. „яко же Самъ Господь научи насъ“: т. е. вѣра, строго говоря, *исповѣдуется*, а не опредѣляется. *Шестой* Вселенскій соборъ въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу даетъ слѣдующее: изложеніе ученія о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ предваряется чтеніемъ „изложенія вѣры“—символа Никео-цареградскаго. „Конечно—разсуждалъ соборъ послѣ этого чтенія — *для познанія вѣры* достаточно и сего символа Божественной благодати“. Но какъ появилась ересь одной воли и одного дѣйствія; то соборъ занялся этими заблужденіями и — „согласно *опредѣляя исповѣдуетъ*, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ!“ и проч. И въ заключеніе: „послѣ того, какъ все сіе установлено, опредѣляемъ, что никому не позволяется проповѣдывать *другую вѣру* или иначе

наше исповѣданіе вѣры... Что же касается до *частннхъ правилъ церковной жизни*, то вы знаете,—у насъ въ силѣ древній законъ (*θεσμις*)—чтобы въ каждой церкви совершаемы были рукоположенія епархіальными епископами“ и проч. *Теодор*. Церковн. истор. V, 5. Ср. Дѣян. Всел. соб. I, стр. 287 (переводы—неодинаковы).—Второе правило того же собора все церковное управление помѣстныхъ церквей и вообще все дѣйствія, имѣющія отношеніе къ этой сторонѣ, называетъ *Экономіей* (напримѣръ: „да не приходятъ епископы за предѣлы своего діоцеза *ἐπὶ χειροτονία ἢ τισὶ ἄλλαις διοικονομαῖς ἐκκλησιαστικαῖς*“), и управлять церковью значитъ: *οἰκονομεῖν*, напр. согласно обычаю отцовъ и т. п.

⁴¹⁾ Дѣян. т. II. 16.

учить“⁹⁵). Но иначе уже соборъ выражается о своихъ дисциплинарныхъ опредѣленіяхъ, называя ихъ правилами. „Такъ какъ, разсуждалъ соборъ, предшествовавшіе два святые и вселенскіе соборы, *разъяснивъ* отечески *таинства вѣры*, вовсе не оставили священныхъ *правилъ*, чрезъ которые бы народы отстали отъ худого и порочнаго поведенія и обратились бы къ лучшей и чистой жизни, поэтому—собравшись, мы написали священные правила“, или „опредѣленія“, что соборъ считаетъ за одно и тоже⁹⁶). Наконецъ *седьмой* Вселенскій соборъ опредѣляетъ свою дѣятельность такимъ образомъ. „Господь Богъ отовсюду собралъ насъ, представителей священства, да утвердится общимъ опредѣленіемъ божественное преданіе католической церкви. Итакъ, мы изслѣдовали и разсмотрѣли дѣло весьма тщательно и, слѣдуя истинѣ,—сохраняемъ въ церкви все, что есть лучшаго. „И такъ, мы вѣруемъ“ и проч. слѣдуетъ изложеніе никеоцереградскаго символа; „мы гнушаемся Арія и его единомышленниковъ“. Затѣмъ, соборъ выражаетъ принятіе имъ догматическихъ опредѣленій соборовъ: ефесскаго и халкидонскаго, пятаго и шестаго и продолжаетъ: „кратко сказать: мы неприкосновенно сохраняемъ всѣ церковныя преданія (*παράδοσεις*), утвержденныя письменно или неписьменно“, —а „одно изъ нихъ и заповѣдуетъ дѣлать живописныя иконныя изображенія, такъ какъ это согласно съ исторіей евангельской проповѣди и служить на *пользу* намъ“⁹⁷). А потому—„кто отвергаетъ всякое писанное и неписанное преданіе—анаѰема“. Съ перваго взгляда, представляется, что въ приведенныхъ разсужденіяхъ соборъ, какъ будто бы наоборотъ — все уравниваетъ въ дѣятельности церкви — догматы и преданія относительно практической жизни, а стало быть — доктрину и

⁹⁵) Дѣян. Вселен. соб. т. VI, 471—2, а такъ же дѣяніе восемнадцатое и конецъ семнадцатаго. Можетъ быть, характернѣе догматическая дѣятельность VI Вселенскаго Собора выражается въ слѣдующихъ словахъ самого Собора, какъ бы резюмирующихъ всю его дѣятельность: „Соборъ съ достойнымъ тщаніемъ изслѣдовалъ вопросъ о вѣрѣ, и уничтожилъ какимъ то образомъ возникшее разногласіе относительно православія, а въ настоящее время (*было послѣднее засѣданіе*) произнесъ точное опредѣленіе, утверждающееся на Свящ. Писаніи и согласное съ ученіемъ отцовъ, въ утверженіе правыхъ догматовъ благочестія“ (ibid. 465).

⁹⁶) Ibid. 576—7.

⁹⁷) Дѣян. т. VII. 590—92. 628. Ср. Книгу Правиль.

дисциплину въ церкви христіанской. Но это, вѣроятно, несовершенство редактированія соборныхъ дѣяній, которыя сами по себѣ могутъ служить лишь историческимъ и научно-богословскимъ основаніемъ того или другаго положенія, но не во всякой буквѣ и не во всякомъ словооборотѣ имѣютъ абсолютно-обязательное значеніе подобно какъ вѣроопредѣленіе или правило ⁹⁸). Тезисомъ же соборнаго опредѣленія здѣсь служить—не общая мысль: должно сохранять всѣ церковныя преданія, а—частная должно сохранять *преданіе иконопочитанія*, какъ одно изъ числа такихъ преданій, которыя имѣютъ основаніе для своего существованія и по испытаніи этого основанія „со всякимъ тщаніемъ и основательностію“ „согласно древнему закоположенію отцевъ нашихъ“ ⁹⁹). Мысль Вселенскаго собора въ этомъ

⁹⁸) Отъ опредѣленій соборныхъ, догматическихъ и каноническихъ, необходимо отдѣлять соборныя дѣянія, ибо неразличеніе опредѣленій и дѣяній можетъ быть поводомъ къ тому, что чисто историческій элементъ на соборахъ будетъ принятъ за руководственный, или обязательный, чего конечно, не должно быть,—какъ и дѣйствительно не вводится въ церковную практику многое изъ того, что могло бы имѣть примѣры въ дѣяніяхъ того или другаго собора. Въ примѣръ этой необходимости можно указать на такъ называемый Карѳагенскій соборъ по нашей Книгѣ Правиль. Вопросъ о *количествѣ правилъ* этого собора стоитъ въ прямой связъ съ вопросомъ о различіи между правилами въ собственномъ смыслѣ и соборными дѣяніями, и это—съ такою ясностію, что Карѳагенскія правила привели издателя Греческой Кормчей—Пидаліона къ слѣдующему замѣчанію: „правила эти не суть на самомъ дѣлѣ правила и опредѣленія (δφο:), а по большей части собесѣдованія отцовъ, съ вопросами и отвѣтами: просто сказать дѣянія, которыя могли быть правилами, но не суть правила въ ихъ первоначальномъ видѣ“. Поэтому издатели поступили съ карѳагенскими правилами такъ: „отбросили надписанія (о томъ, что и проч., какъ это и въ нашей Книгѣ Правиль), а разговоры и вопросоотвѣты передѣлали въ *опредѣленія и правила*“.—(См. *Никольскаго*, Пидаліонъ, М. 1888, стр. 69). Этотъ элементъ „дѣяній“ не отдѣленъ отъ элемента каноническаго въ собственномъ смыслѣ въ правилахъ Карѳагенскаго Собора и по нашей Книгѣ Правиль, и оттого здѣсь подъ именемъ правилъ существуетъ опредѣленіе объ осужденіи епископа Экітія (пр. 76), или правило 122, которое, конечно, можетъ быть, правиломъ, но только во второй половинѣ своей.

⁹⁹) Ср. *Филарета*, Слово о преданіяхъ. Главная мысль этого слова: должно остерегаться обѣихъ крайностей, выражающихся въ томъ, что одни обращаютъ вниманіе только на то, что въ преданіяхъ есть темнаго и недостовѣрнаго, и отсюда освобождаютъ себя отъ дальнѣйшей заботы о преданіяхъ; другіе „безъ изслѣдованія слѣпо держать преданія какъ нибудь упавшія на ихъ руки“.

отношеніи еще явственнѣе выступаетъ въ первомъ канонѣ собора: здѣсь „подъ именемъ начертаній каноническихъ порядковъ“ (*αἱ τῶν κανονικῶν τάξεων ὑποτάξεις*) соборъ хочетъ указать тѣ начала дисциплины, которыя должны служить руководствомъ для „пріавшихъ священническое достоинство“. Подобно тому, какъ дѣлая опредѣленіе объ иконопочитаніи, соборъ во главѣ опредѣленія свидѣтельствовалъ о своемъ единеніи съ отцами въ вѣрѣ: такъ здѣсь, при начертаніи порядковъ, онъ свидѣтельствуется также и о единеніи съ отцами въ отношеніи ко всему, что касается дисциплины: „съ любовію принимаемъ божественныя каноны, и постановленія, даваемая этими канонами (*διατάξεις αὐτῶν*), а также распоряженія (*διατάγματα*) соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ“. Замѣчательно опредѣленіе цѣли или основаній бытія послѣднихъ, т. е. соборовъ помѣстныхъ, по разумѣнію VII Вселенскаго собора: они „помѣстно собирались для изданія таковыхъ распоряженій“. Высказавъ такія начала, Вселенскій Соборъ и самъ продолжаетъ непрерывную регулирующую дѣятельность церкви—изданіемъ своихъ правилъ, частью устанавливающихъ только условный порядокъ, частью принципиально рѣшающихъ общіе вопросы порядка.—Свидѣтели и историки Вселенскихъ соборовъ, говоря о соборной дѣятельности, также обыкновенно различаютъ въ ней двѣ стороны: въ отношеніи къ вѣрѣ и въ отношеніи къ дисциплинѣ. Геласій Кизическій, на примѣръ, различаетъ двоякаго рода опредѣленія перваго Никейскаго собора: *ἔροι* и *διατάξεις*: первая—это опредѣленія относительно дисциплины, а вторая „о католической и православной вѣрѣ“.—Сократъ и Созоменъ, повѣствуя о томъ же соборѣ, дисциплинарную дѣятельность его ставятъ какъ бы внѣ настоящаго предмета дѣятельности этого собора, какъ его только добавленіе. Сократъ: „тогда собравшіеся на соборѣ епископы (кроме изложенія вѣры) написавъ и нѣчто иное, что обыкновенно называютъ правилами (*κάνονες*), отбыли каждый въ свой городъ“. Созоменъ: „соборъ ревнуя объ исправленіи образа жизни клириковъ, издалъ законы, которые называютъ канонами“... Прибавимъ, что и самъ соборъ Никейскій I Вселенскій, какъ объ этомъ замѣчаемо было ранѣе, видимо отдѣляетъ все, что имъ опредѣлено въ отношеніи къ вѣрѣ, отъ того, что выражено имъ въ канонахъ.

Въ посланіи къ церквамъ египетскимъ соборъ, между прочимъ, говорилъ: „что касается до прочаго, что (на соборѣ) постановлено или опредѣлено (*εκατονισθη ή δογματισθη*) это самъ Александръ сообщитъ вамъ“¹⁰⁰). Въ этомъ смыслѣ выражается и посланіе императора Константина: соборъ изображается устранившимъ „недоумѣнія относительно вѣры“; но здѣсь же было произведено и изслѣдованіе относительно дня пасхи, иначе—на соборѣ данъ „образъ вселенской вѣры“ и „образъ соблюденія дня пасхи“ (*παρατήρησεν διατάττειν*). Георгій Кедринъ о различіи помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ разсуждалъ такимъ образомъ: помѣстные соборы „составлялись — ради мѣстныхъ вопросовъ и на нихъ не присутствовали императоры, какъ и не по ихъ повелѣнію эти соборы бывали собираемы“. Вселенскіе же, по мнѣнію Кедрина, названы были такъ потому, что на нихъ были созываемы архіереи всего римскаго государства, и еще потому, что на *каждомъ*, въ особенности на первыхъ шести соборахъ, *было изысканіе относительно вѣры* и предлагаемо было рѣшеніе или опредѣленіе догматическое“¹⁰¹).

Такимъ образомъ и по существу дѣла и по слововыраженію, на вселенскихъ соборахъ область дисциплины была выдѣляема въ область особую и, можно сказать, для вѣры служебную. Соборы помѣстные, какъ это было отмѣчаемо и древними писателями, естественно имѣли дѣло по преимуществу съ дисциплиною (ср. выше приведенныя сужденія Фирмилиана о томъ, что дѣлалось на ежегодно созываемыхъ мѣстныхъ соборахъ), и при томъ съ дисциплиною часто въ ея прекословныхъ и недоумѣнныхъ вопросахъ, такъ какъ то, что не требовало общаго разсужденія и было уже бесспорно, могло быть, какъ мы уже замѣчали, по праву устроено каждымъ мѣстнымъ епископомъ. Въ подлинныхъ памятникахъ помѣстной соборной дѣятельности, до насъ дошедшихъ, этотъ характеръ дѣятельности помѣстныхъ соборовъ выражается уже тѣмъ, что они давали своей церкви не вѣроопредѣленія въ собственномъ, или въ точномъ смыслѣ слова, а лишь нѣкоторыя „частныя черты вѣроопредѣленій церковныхъ относительно тѣхъ или другихъ христі-

¹⁰⁰) Сократъ, Ист. 1, 9. Migne, g. V. Col. 81.

¹⁰¹) У Свидера, II. 1172.

анскихъ догматовъ“. (Преосв. Сильвестръ, Догм. Богослов. I, § 14); притомъ и этотъ результатъ является далеко не постоянно, т. е., не у всякаго помѣстнаго собора, бывшаго органомъ помѣстной церковной администраціи, какъ и помѣстнаго церковнаго суда. Постоянный же результатъ дѣятельности помѣстныхъ соборовъ составляли *каноны*, что для вселенскихъ соборовъ, наоборотъ, какъ мы видѣли, было дѣломъ сверхъ прямой цѣли ихъ созванія: *πρὸς τοῦτους καὶ κανόνας οὐράμεν* — выраженіе II Вселенскаго собора, равно какъ и другіе Вселенскіе соборы, издавая каноны часто даютъ знать, что къ этому *давали поводъ* случайныя обстоятельства, что и было выражаемо на соборахъ такимъ образомъ: „дошло до собора“, „понеже мы увѣдали“ и т. п. Задачу помѣстныхъ соборовъ, хотя, повторяемъ, принимаемую на себя вселенскими, но только между прочимъ, въ древности выражали какъ *κανονίζεω τὰς ἐκκλησίας*, и это выраженіе, во всякаго рода производныхъ, было весьма употребительно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло именно о дисциплинарной дѣятельности, хотя у нѣкоторыхъ раннѣйшихъ писателей *κανονίζεω* употреблялось въ приложеніи и къ теоретической сторонѣ¹⁰²). Переводъ слова *κανονίζεω*, если искать буквального перевода, дается различный и иногда давался даже переводъ тенденціозный (напр. учеными римской церкви). Но во всякомъ случаѣ трудно будетъ не согласиться, что внутренній смыслъ „канонизаціи“,

¹⁰²) Наприм., Василій Великій самъ употреблялъ выраженіе: *κανονίζεω τὴν πολιτείαν*, а о немъ выражались, что онъ—*περὶ πολλοῦ ἐκανόνισεν*. Константинопольскій помѣстный соборъ постановилъ правило (6) о монахахъ, и это онъ самъ называетъ: *ἡ αὐτὰ συνόδος ἐκανόνισε*, и это, какъ изъ того же правила видно, почти равносильно: *ᾤρισε*.— Нѣкоторое различіе, какъ было замѣчено, представляется въ томъ, что „опредѣленіе“ есть рѣшеніе частнаго случая; это рѣшеніе затѣмъ „канонизуется“, возводится въ общее начало дѣйствій въ случаяхъ однородныхъ. Это по нашему мнѣнію явствуетъ, напримѣръ, изъ посланія Антиохійскаго собора 341 года, гдѣ встрѣчаются различныя сочетанія и „канона“ и „опредѣленія“— о чемъ ниже. Папа Юлій, по поводу дѣла Аванасія Александрійскаго, писалъ на антиохійскій соборъ, что епископы собора не позвавъ его на соборъ, поступаютъ вопреки каноновъ, такъ какъ церковный законъ гласитъ, что— *не должно устанавливать церковныхъ правилъ помимо согласія римскаго епископа (κανονίζεω παρὰ γνώμην*, въ передачѣ историка). Сократъ, II, 17; Migne, 67, col. 220.

во всей его обширности и безотносительно ко всѣмъ подробностямъ условной терминологіи, можно лучше всего выразить словами VI Вселенскаго собора, сказанными относительно тѣхъ задачъ, которыя лежатъ на церковной іерархіи: „все устроить къ пользѣ порученныхъ паствъ“, „прилагая истечение о спасеніи и о препятствіи людей на лучшее (прав. 2)“! Примѣръ же того, какъ можно устроить все къ пользѣ спасенія людей, можно видѣть въ эпилогѣ правилъ собора Гангрскаго, который своими каноническими постановленіями, по видимости, осуждалъ высшія степени индивидуальнаго благочестія (*δι' ἁβησιου*), въ дѣятельности же ограничивалъ произволъ въ избраніи формъ принимаемаго на себя подвижничества. „Пишемъ это, постановляя преграды (только) тѣмъ, которые вопреки писанію и правиламъ церкви дѣлають нововведенія, а не тѣмъ, которые желаютъ подвизаться согласно Писанію“ (ср. приведенныя выше разсужденія Епифанія Кипрскаго). Во всякомъ же случаѣ, эти, такъ сказать, акты канонизаціи, или акты дисциплинирующей дѣятельности помѣстныхъ соборовъ разсматривались какъ нѣчто лишь споспѣшествующее вѣрѣ, но не дающее собою какой либо новый членъ вѣры, — вслѣдствіе чего нельзя отрицать того положенія, что самое различіе между областными и вселенскими соборами состоитъ въ томъ, даетъ ли извѣстный соборъ опредѣленія *in rebus fidei*, или его постановленія относятся къ дисциплинарной области ¹⁰³). По причинѣ того взгляда, что дисциплина лишь

¹⁰³) *Гефеле*, Conciliengesch. V. I. s. 61, въ свою очередь поставляетъ это въ связь съ вопросомъ о непогрѣшимости соборовъ: непогрѣшимость принадлежитъ вселенскимъ соборамъ исключительно *in rebus fidei et moium*, но не въ ихъ постановленіяхъ касательно разныхъ вопросовъ дисциплины. Таково, по мнѣнію Гефеле, было и убѣжденіе древнихъ учителей церкви. Когда древніе, напримѣръ, выражаютъ такія убѣжденія, что „не можетъ считаться въ числѣ православныхъ тотъ, кто протинится никейскому или халкидонскому собору“ (или, что „четыре первыхъ собора должны быть почитаемы, какъ четыре евангелія“ *idid.* s. 62); то ясно, конечно, что это относится къ догматическимъ опредѣленіямъ этихъ соборовъ, ибо извѣстно, что опредѣленія каноническія со временемъ подверглись измѣненію даже и изъ числа изданныхъ соборами Вселенскими. И помѣстные соборы не давали, конечно, опредѣленій погрѣшительныхъ; тѣмъ не менѣе они давали лишь опредѣленія *сообразныя съ данными условіями*, но не постановленія сами въ себѣ *абсолютныя*, не подлежація реформѣ.

способствуетъ вѣрѣ, но не составляетъ ея составнаго элемента, помѣстные соборы обыкновенно свободно относились одни къ другимъ: „прежнее опредѣленіе“ (*ῥροζ*) не считается обязательнымъ основаніемъ для болѣе поздняго опредѣленія. Раннѣйшій примѣръ этого — нѣкоторыя анкирскія правила ¹⁰⁴). Наоборотъ Вселенскій соборъ, дающій вѣроопредѣленіе, прежде всего заявляетъ обыкновенно, и тѣмъ свидѣтельствуетъ о своей правоспособности къ исполненію лежащихъ ему задачъ, о своемъ *согласіи съ вѣрою* предковъ. Отсюда же помѣстный соборъ вводитъ иногда въ основаніе своего рѣшенія мнѣнія частныхъ лицъ авторитетныхъ, или считающихся таковыми ¹⁰⁵). А какъ относились помѣстные соборы ко мнѣніямъ другихъ церквей и къ предвидимой иногда возможности разногласій, показываетъ, на примѣръ, посланіе антиохійскаго собора къ окрестнымъ епископамъ: „представляемъ на вапе усмотрѣніе (*ἐπὶ τῆρ ὑμετέραν γνῶσιν*) тѣ постановленія, которыя всѣ мы, послѣ (лучше: *сѦ*) всесторонняго обсужденія (*μετὰ πλείονος σκέψεως καὶ ἐπιχρίσεως*) признали полезными, и мы вѣримъ, что и вы будете одного съ нами мнѣнія, согласуясь съ нами и опредѣливъ тоже самое (*ὁρισάμενοι τὰ αὐτὰ*), запечатлѣвая правильно постановленное (*ὁρθῶς δόξαντα*) и утверждая согласіемъ Духа Святаго. Опредѣленные же нами церковные каноны (*ὁρισθέντες κανόνες*“ — таковы ¹⁰⁶). Такихъ отношеній къ чужимъ мнѣніямъ въ области вѣроученія быть не могло, ибо, если въ области дисциплины „соборъ опредѣлялъ“ то, что „считалъ за лучшее“, хотя бы сомнѣвался даже относительно правильности извѣстныхъ фактовъ ¹⁰⁷); то въ области

¹⁰⁴) Прав. 21. 23. Первое указываетъ на опредѣленіе Эльвирскаго собора, соборомъ Анкирскимъ отмѣненное.

¹⁰⁵) Соборъ Неокесарійскій прав. 9: „какъ скажутъ многіе“ (греческ. *ἔφασαν οἱ πολλοί*).

¹⁰⁶) Дѣян. Пом. Соб. стр. 33, ср. Mansi, t. II, p. 306. Hefele, I, 646. *Ἡ γὰρ ἀ συνόδος ὄρισε τὰ ὑποτεταγμένα* — слѣдуютъ Сардикійскіе Каноны.

¹⁰⁷) Поразительный примѣръ этого представляетъ одинъ изъ Кароагенскихъ соборовъ, согласившійся условно признавать даже право апелляціи къ римскому епископу, и это потому, что соборъ не имѣлъ въ данное время вѣрнаго экземпляра никейскихъ постановленій для того, чтобы оспорить, сославшихся якобы на никейскія постановленія, римскихъ легатовъ, — хотя соборъ и былъ убѣжденъ, что въ никейскихъ канонахъ этого нѣтъ, какъ это оказалось и на самомъ дѣлѣ.

вѣры соборъ, какой бы онъ ни былъ, опредѣлялъ не то, что лучше, но то, что есть истина, или точнѣе не опредѣлялъ, а только изъяслялъ истины вѣры Христовой.

Но чтобы лучше видѣть какъ канонизовались церкви чрезъ помѣстные соборы, мы возьмемъ нѣсколько чертъ дѣятельности таковыхъ соборовъ преимущественно африканской церкви, дѣянія которыхъ наиболѣе сохранились въ памятникахъ, и которые, кромѣ того, въ выраженіи соборнаго начала, въ силу особо благоприятныхъ условий африканской церкви, наилучшимъ образомъ осуществляли право „множественности въ единствѣ“. Такъ—прежде всего, оставая право *каждой* церкви въ извѣстныхъ предѣлахъ самостоятельно вѣдать у себя мѣстныя дѣла, Карфагенскій соборъ 401 года папѣ Целестину, притязавшему перерѣшать дѣла судебныя, возникшія въ африканской церкви, пересмотромъ ихъ въ Римѣ, писалъ, между прочимъ, что „никакимъ опредѣленіемъ отцевъ у африканской церкви не отнято право“ самой вѣдать дѣла судебныя у нея возникающія, какъ то рассуждали отцы никейскаго собора, — ибо „ни въ одной области нѣтъ недостатка въ благодати Св. Духа, силою которой іереями Христовыми мудро усматривается и твердо соблюдается справедливость“: вотъ последнее *основаніе* правъ помѣстныхъ соборовъ ¹⁰⁸⁾.—Что касается до *предметовъ* дѣятельности мѣстныхъ соборовъ и *цѣлей*, которыя имѣютъ эти соборы, то въ этомъ отношеніи въ древности были такія рассужденія: въ каждой церкви могутъ возникать „новые вопросы“, которые какъ не ясныя и совершенно не понятныя требуютъ разсмотрѣнія и формулированія“ ¹⁰⁹⁾. Кромѣ „новыхъ вопросовъ“ могутъ существовать „дѣла“, *causae ecclesiasticae*, и дабы „ко вреду народа“ подобныя дѣла не замедлялись—извѣстное правило о ежегодномъ созваніи соборовъ *propter causas ecclesiasticas*. Епископъ Аврелій на томъ же соборѣ обращался съ рѣчью

¹⁰⁸⁾ Дѣян. Пом. Соб. Казань, стр. 225; ср. Книг. Правиль.

¹⁰⁹⁾ Ibid. 112, Въ древнѣйшей латинской редакціи Карфагенскихъ соборовъ у Мипя, *Patrol. lat. t. 56, col. 865*, читается: *novellae suggestiones, quae vel obscurae sant, vel sub diverso genere latent, inspectae a nobis, formam accipiunt*. Ср. *ibid.* 915. „Приходилось — писали отцы того же собора—между прочимъ поднимать такіе вопросы, которые требовали продолжительныхъ обсужденій“.

къ собравшимся, въ которой объявлялъ, что — „думаетъ предложить на обсужденіе собора тѣ нужды, которыя онъ старался по возможности и самъ прослѣдить“. Въ другомъ случаѣ тотъ же Аврелій предметъ дѣятельности собора выражалъ какъ „приведеніе въ порядокъ церковныхъ дѣлъ, какъ возникшихъ уже, такъ и могущихъ (на самомъ соборѣ) возникнуть“. Слѣдовательно, вопросы рѣшаемые помѣстнымъ соборомъ были во всякомъ случаѣ мѣстно возникавшіе, не имѣвшіе для иной мѣстности особаго интереса, — какъ и рѣшеніе получавшіе условное, pro loco, безъ притязанія на всеобщую обязательность. Примѣры этихъ мѣстныхъ вопросовъ таковы, что многіе изъ нихъ, какъ и рѣшенія послѣдовавшія по нимъ, дѣйствительно трудно было бы ввести въ организмъ церковнаго права какъ элементъ права положительнаго, а не въ качествѣ лишь историческаго факта, что и замѣчено въ памятникахъ одного изъ Карфагенскихъ соборовъ, именно собора 409 года ¹¹⁰).

Не только соборы карфагенскіе, но и другіе помѣстные соборы высказывали то же самое въ отношеніи къ предмету и цѣли своего собранія. Соборъ Гангрскій выражался такимъ образомъ: такъ какъ „соборъ епископовъ, собравшихся въ Гангрской церкви по нѣкоторымъ церковнымъ нуждамъ (*ἐκκλησιαστικὰ ὑρεία*), изслѣдовалъ между прочимъ и дѣло объ Евстаѳіи и нашелъ много незаконнаго (*ἀδικοῦσιν ὑπομεινὰ*) въ дѣйствіяхъ его послѣдователей; то для искорененія (этого) зла вынужденъ былъ сдѣлать постановленіе (*ὀρίσεν*) ¹¹¹). Это: „между прочимъ“ характерно потому, что показываетъ, что—дѣло Евстаѳіа соборъ ставитъ на ряду съ церковными нуждами какъ причину созванія собора и тѣмъ даетъ знать, каковы были эти нужды какъ поводы къ собору. Другой соборъ—Антіохійскій настаиваетъ на исполненіи извѣстнаго апостольскаго правила о двукратномъ въ годъ соборѣ „ради нуждъ церковныхъ и ради разрѣшенія сомнительныхъ случаевъ“ (прав. 20). „Приведеніе въ порядокъ дѣлъ церковныхъ“ какъ предметъ собора выраженъ въ 40 правилъ Лаодикійскаго собора понятіемъ „благоустроенія церкви и прочаго“ (*εἰς κατορθώσιν τῆς ἐκκλησίας καὶ τῶν λοιπῶν*) πραγμ-

¹¹⁰) Дѣян. Пом. Соб. стр. 193.

¹¹¹) Mansi, t. II, p. 1098. Ср. Дѣян. Пом. Соб. 24.

των, χειρῶν?)¹¹²⁾. Отсюда — присутствіе на соборѣ не право только епископовъ, но ихъ обязанность. Съ другой точки зрѣнія задача собора выражалась, какъ—польза церкви въ смыслѣ усовершенности ея внутренняго и вѣшняго строя: „чтобы все, что только можно при тщательномъ отношеніи къ дѣлу исправить, приняло лучшей видъ“¹¹³⁾. Кароагенскій соборъ 421 года открылся рѣчью епископа Аврелія, приглашавшаго членовъ сдѣлать что нибудь „для пользы церкви (pro utilitate ecclesiae), чтобы дѣла церковныя не пришли къ худшему“, для чего (по мнѣнію говорившаго) надобно пересмотрѣть тѣ дѣла, которыя касаются дисциплины¹¹⁴⁾, а въ заключеніи другого собора дается разумѣть, что присутствовавшіе „обдумали и обсудили все, что представлялось могущимъ доставить пользу церкви“ (ἡρησιόβηται ἐκκλησιαστικῇ). „Самостоятельно изслѣдовать вопросъ, чтобы не возникало какого препирательства между церквами“— было желаніемъ, почитавшимся въ дѣлахъ мѣстныхъ соборовъ совершенно законнымъ, а потому это же считалось и правомъ каждой церкви всегда, когда дѣло касалось вопросовъ не вѣроученія. Такъ какъ польза есть дѣло относительное, то опредѣляющіе на помѣстныхъ соборахъ обыкновенно не притязали на абсолютное совершенство своихъ опредѣленій, ибо если полезно для церкви одно, то еще полезнѣе иногда можетъ оказаться другое,— и отсюда ясно выражаемая, конечно въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ было замѣчено, *условность* соборныхъ опредѣленій. Условность эта однакоже доходила до того, что были опредѣленія, исполненіе которыхъ оговаривалось словами: „насколько возможна“, *ὅσον δυνατόν ἐστι*, какъ это наприимѣръ видно въ 51 правилѣ кароагенскаго собора. Воспрещая клиру „угощать въ церкви (конечно въ той части зданія, гдѣ были трапезы любви),— развѣ только во время странствованія по необходимости бу-

¹¹²⁾ Подъ словами *καὶ τῶν λοιπῶν* древній толкователь разумѣеть „еретиковъ или невѣрныхъ“ (Зонара). Къ такому же пониманію склоняется и *Гегелас*, В. I. s. 898. Но это едва ли не натяжка.

¹¹³⁾ Дѣян. Пом. Собор. стр. 130.

¹¹⁴⁾ У Миная, лат. т. 56, col. 876. Этого пересмотра на африканскихъ соборахъ былъ весьма обычнымъ дѣломъ, а по пересмотрѣ и обсужденіи выслушанное и опредѣленное (quae statuta et definita sunt) заносилось въ акты собора см. *ibid.* Disquisit. Balleinini, pars II, 3, § 9.

дуть имѣть тамъ отдыхъ“—правило прибавляетъ, чтобы и мѣрянамъ „на сколько то возможно“ воспрещалось было употребленіе церковнаго зданія для цѣлей трапезованія. Были также опредѣленія, которыя указывали только „лучшее“, *βέλτιον*, по которыя признавали въ иныхъ случаяхъ достаточнымъ для пользы церкви и такой образъ дѣйствія, который былъ въ какихъ либо отношеніяхъ менѣе хорошимъ, но болѣе удобнымъ. Таково 19 правило Антиохійскаго собора. Оно постановляетъ, чтобы для избранія епископа собирались къ митрополиту все епископы той области: „и аще соберутся все: *лучше есть!* Аще же *неудобно*, то большая часть ихъ неотмѣнно да присутвуетъ, или грамотами да изъявятъ свое согласіе“. Сюда же, къ выраженію этой условности въ опредѣленіяхъ помѣстныхъ соборовъ, должно отнести то, что сами соборы тезисы своихъ рѣшеній далеко не всегда называли *канонами въ смыслъ позднѣйшемъ*, т. е. въ смыслъ руководящаго и для всѣхъ обязательнаго *типа* дѣйствій или всеобщей церковной нормы. Соборы видимо и въ терминологіи не выражали притязанія на абсолютность своихъ рѣшеній, и потому какъ бы охотнѣе употребляли другія названія для этихъ рѣшеній, чѣмъ названія, заключающія въ себѣ тотъ смыслъ, что даваемое рѣшеніе есть новый церковный законъ, обнародуемый къ исполненію — и болѣе ничего. Поэтому раннѣйшіе помѣстные соборы часто излагали свои рѣшенія, начиная ихъ словами: „угодно собору“ — *ἔδοξε* (напр. Анкир. 1, 4, 7, 11, 12, 14; Антиох. 9, 10, 20), что на соборахъ съ латинскимъ языкомъ соотвѣтствовало выраженію: *placuit, item placuit, placitum*, напр. на соборѣ эльвирскомъ 305 года, арлатскомъ 314 года, на нѣкоторыхъ соборахъ кароагенскихъ (*placita concilii*, Каро. 25). Что же касается названія соборнаго опредѣленія *канономъ* въ смыслѣ закона; то такое названіе стало употребляться сравнительно поздно. Такъ, напримеръ, „канонъ“ въ 15 правилѣ Неокесарійскаго собора очевидно обозначаетъ еще не какое либо *соборное правило*, а принятый, по соображенію съ повсѣзвѣтной исторіею, обычай (речь идетъ о числѣ діаконовъ, которыхъ „по правилу (*κατὰ τὸν κανόνα*) должно быть семь“). На соборѣ Гангрскомъ канонъ обозначаетъ *порядокъ церковный вообще*, который былъ нарушаемъ Евстадіанами: они — *τοῦ κανόνα τοῦ ἐκκλη-*

οιστιχοῦ ἐξήλθον, слѣдуя своимъ собственнымъ законамъ жизни (*νόμος*). Поэтому соборъ въ Ганграхъ „вынужденъ былъ—осудить ихъ и сдѣлать опредѣленіе (*χριστιανικῶν ἰσχυρῶν αὐτῶν καὶ ὄρος ἐκτι θεσπι*) — быть имъ внѣ церкви“ и проч. Но начиная съ Антиохійскаго собора „законы“ уже явственнѣе употребляются въ примѣненіи къ „опредѣленіямъ относительно порядка“, хотя „канонъ“ употребляется на ряду съ другими терминами, а въ иныхъ случаяхъ канонъ обозначаетъ не только опредѣленіе относительно порядка, но и самый порядокъ. Такъ одинъ канонъ Никейскаго собора на Антиохійскомъ называется еще опредѣленіемъ (прав. 1, о днѣ Пасхи). Въ правилѣ 2—имѣющей общеніе съ отлученнымъ называется нарушителемъ „канона церковнаго“, *συχῆων τὸν κανὸν τῆς ἐκκλησίας*, или, какъ передаетъ Книга Прѣвиль, „чина, т. е., порядка, церковнаго“. Но въ правилѣ третьемъ нарушители церковнаго порядка называются нарушителями *τῶν θεσπῶν τῶν ἐκκλησιαστικῶν*, точно также, какъ и поставленіе епископа соборомъ называется: *ὁ θεσπὸς ἐκκλησιαστικός*, прав. 23. Въ правилѣ девятомъ „древнѣйшимъ канонемъ, имѣвшимъ силу отъ отцевъ нашихъ“, называется право епископа митрополіи, чтобы другіе епископы ничего важнаго не дѣлали безъ него, а слѣдовательно канонъ снова выступаетъ въ значеніи принятаго или установленнаго отцами порядка. Указанное 20-е правило Антиохійскаго собора, признавъ, какъ мы видѣли, лучшимъ порядкомъ поставленія епископа въ присутствіи всѣхъ епископовъ митрополіи, называетъ только то сдѣланное поставленіе какъ „опредѣленный (*δοσιμένος*) канонъ“. Лаодикійскаго собора пр. I называется церковнымъ канонемъ (*κατὰ τὸν ἐκκλησιαστικὸν κανόνα*) дарованіе общенія второбрачнымъ. Но что и далѣе въ памятникахъ соборныхъ „каноны“ выступаютъ наравнѣ съ терминомъ опредѣлений, а иногда и отождествляются, какъ выражающіе понятія однородныя, это продолжаетъ явствовать съ очевидностію. Такъ на Карфагенскомъ соборѣ 419 года, называвшемъ *опредѣленіями* каноны Никейскаго собора (пр. I), Сардикійскія правила называются „словами каноновъ“, при чемъ признакомъ или свойствомъ каноновъ считается *заключеніе въ письмени*, въ противоположность обычаю, который не заключается въ письмени, и, какъ заключенныя въ письмени, „слова каноновъ“ для того,

чтобы быть призванными въ качествѣ руководства, требуютъ уже убѣжденія въ своей неповрежденности: это „неповрежденные каноны“. Кириллъ Александрійскій въ письмѣ къ Кароагенскому собору никейскіе каноны называетъ „опредѣленіями, утвержденными св.отцами этого (никейскаго) собора“, а Константинопольскій епископъ Атикъ — „канонами, которые опредѣлены отцами въ Никее“, —откуда можно заключать, что отношеніе между канонами и опредѣленіями, когда они употребляемы были какъ не-тождественныя термины, въ болѣе раннее время было понимаемо такъ: канонъ есть формула, въ которую письменно заключалось опредѣленное соборомъ ¹¹³⁾. Наконецъ, уже только на VI Вселенскомъ соборѣ (прав. 2) понятіе канона было употреблено съ признакомъ — совершенно отверженнаго, принятаго церковью и имѣющаго руководительное значеніе, постановленія, а не частнаго опредѣленія того или другаго собора, только въ качествѣ историческаго прецедента могущаго быть принятымъ за основаніе извѣстнаго дѣйствія. Такъ о содержаніи двадцатаго правила I Вселенскаго собора соборъ Трульскій выражается: „отъ отцевъ мы *канонически* приняли“, т. е. приняли въ смыслѣ церковнаго закона — не преклонять колѣна въ день воскресный. Понятіе канона теперь получило смыслъ такого опредѣленія, которое въ отношеніи къ его обязательности уже не можетъ быть пререкаемо церковью, не принимавшей участія въ его установленіи, между тѣмъ какъ рапѣ, на Кароагенскомъ соборѣ пятаго вѣка, было пререкаемо правило, выдаваемое римскою церковью за Никейское, но въ дѣйствительности оказавшееся сардикійскимъ. Послѣдній фактъ важенъ въ томъ отношеніи, что неизвѣстность сардикійскаго правила Кароагенской церкви свидѣтельствуетъ, очевидно, о томъ, что въ то время сардикійскія правила не считались „канонами“ для церкви Кароагенской, какъ и обратно. Совершенно естественно, что позднѣе VII Вселенскаго собора канонъ получилъ значеніе то самое, какое онъ теперь имѣетъ, и это стало явственно и въ дѣятельности послѣдующихъ помѣстныхъ соборовъ. Такъ собора Двукратнаго правило

¹¹³⁾ Дѣян. Помѣстн. Соб. стр. 220. 221. Ср. Правила съ толкованіями стр. 1262.

второе неповинующагося опредѣленію, сдѣланному этимъ соборомъ, подвергаетъ изверженію „какъ неповинующагося канонамъ“ (*ὡς ἀπειθοῦντα τοῖς κανόσι*); правило седьмое различаетъ „канонически установленное“ (*τὰ κανονικῶς συνιστάμενα*). Правило девятое ссылается на „пятый канонъ бывшаго въ Антиохіа собора“, а десятое говоритъ о „наказаніи, отъ священныхъ канонѡвъ“ опредѣляемомъ, — чѣмъ всѣмъ условность опредѣленій раннѣйшихъ соборовъ ограничивается, и эти опредѣленія разсматриваются какъ кодифицированный законъ. Правило шестнадцатое различаетъ „канонически изслѣдуемое дѣло“ (*αἰτία κανονικῶς ἐξεταζομένη*), очевидно, отъ дѣла такимъ образомъ неизслѣдуемаго, т. е. указываетъ на путь обязательнаго слѣдованія извѣстнымъ приемамъ въ дѣйствіи, — и наконецъ послѣднее правило даетъ типичный случай того, какъ условно дававшіяся опредѣленія переходили въ равносильные законамъ каноны: по поводу внезапнаго возведенія на епископство, что было до сихъ поръ по крайней мѣрѣ только какъ фактъ, соборъ, „рѣдко бывающее не поставляя въ законъ церкви (*ρόμος τῆς ἐκκλησίας*)“, однако опредѣляетъ: отнынѣ сему уже не быти! Слѣдов. петвердость бывшаго приводится къ твердости закона въ имѣющемъ быть.

И такъ, „канонизовались“ церкви тѣмъ, что въ извѣстной области отъ геопредѣленнаго и непостояннаго постепенно переходили къ болѣе опредѣленному и постоянному, отчего сфера неопредѣленнаго и условнаго суживалась все болѣе и болѣе, и единократно „опредѣленное“ становилось „канонически опредѣленнымъ“ — при чемъ остается открытымъ вопросомъ: должно ли безпредѣльно расширять область канонизованія, или же должна быть указана и такая область, которую подлежитъ объявить внѣ дѣйствія этого закона — постояннаго и постепеннаго канонизованія церковной жизни.

Таковы результаты, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе дисциплинарной дѣятельности помѣстныхъ соборовъ. Очевидно, что наоборотъ къ предметамъ вѣры, какъ и вообще къ области вѣры, совершенно не приложимо то пониманіе, которое обпаруживается здѣсь относительно способа образованія дисциплинарныхъ положеній, а также — относительно существа, цѣли и задачъ самой дисциплины. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ на помѣстныхъ соборахъ область вѣры и

область дисциплины разсматриваемы были *въ непосредственномъ сопоставленіи* этихъ областей.

Мы уже упоминали, что на одномъ изъ карфагенскихъ соборовъ возникло сомнѣніе относительно подлинности церковнаго правила, предложеннаго за никейское. Въ виду этого соборъ прежде всего постановилъ обратиться къ церквамъ востока съ просьбою, „дабы они прислали самыя истинныя списки никейскаго собора“. Мы не имѣемъ самаго документа, которымъ снабжены были посланные, но за то имѣемъ отвѣтныя посланія къ карфагенской церкви, по коимъ можно судить и о подробностяхъ отпавленной просьбы. Такъ епископъ константинопольскій Атикъ отвѣчалъ африканскимъ отцамъ: „вы желаете, чтобы я послалъ вамъ истиннѣйшіе *каноны*, опредѣленные отцами въ Никее (*οἱ καθόροι, καθὼς παρὰ τῶν πατέρων ἐοικέναι*) вмѣстѣ съ *изложениемъ вѣры*. И кто же можетъ отказать въ общей вѣрѣ и въ утвержденныхъ опредѣленіяхъ своимъ братьямъ. Поэтому — посылаю никейскіе каноны“ и проч. ¹¹⁶). Дѣло о посольствѣ изъ востокъ, разумѣется, не могло быть исполнено тотчасъ. Но карфагенскій соборъ не хотѣлъ прерывать своего дѣла и потому епископъ Аврелій предложилъ собору—прочитать никейское исповѣданіе вѣры и „опредѣленія (*statuta*) Никейскаго собора въ XX главахъ“ (*capitulis*) покрайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ то и другое было уже въ экземплярахъ, принесенныхъ африканскими епископами съ Никейскаго собора, и вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотрѣть и утвердить и постановленія соборовъ африканскихъ, начиная съ 397 по 418 годъ. Когда исполнено было то и другое, то „весь соборъ сказалъ: по изволенію Божию первоначально подобаетъ согласнымъ исповѣданіемъ исповѣдывать *церковную вѣру*, преданную намъ въ семь славномъ собраніи. Потомъ—*церковный чинъ* по согласію каждаго, и всѣхъ вкупѣ, должно соблюдать. Для утверженія же помысленій братій и епископовъ нашихъ, недавно поставленныхъ, должно присовокупить то, что мы пріяли отъ отцевъ, яко твердое опредѣленіе (*διατάξεις, dispositio*): единство Троицы, то есть Отца, Сына и Святаго Духа. Сіе въ *уммахъ* нашихъ свято содержимъ и какъ научились,

¹¹⁶) Дѣян. Помѣстн. Соб. 221; ср. Правила съ толков. стр. 1270.

такъ будемъ учить людей Божіихъ“ (по переводу Книги Правиль, Корс. соб. пр. 2). Пѣкоторые латинскіе кодексы даютъ характерный варьянтъ въ чтеніи этого правила, именно: вмѣсто чтенія Юстелла (съ котораго переводить и наша Книга правилъ):.. *tum demum. ordo ecclesiasticus adservandus*, кодексы даютъ чтеніе: *ordo adstruendus est*. Но такъ какъ приведенное правило въ дѣяніяхъ собора составляетъ въ сущности вступительную рѣчь на соборѣ; то при примѣненіи этого варьянта смыслъ вступительной рѣчи очевидно будетъ такой: мы исповѣдывали сначала вѣру; теперь приступаемъ къ устроенію церковнаго порядка. „Устроеніе порядка“, *ordo adstruendus*, дѣйствительно и составляетъ содержаніе послѣдующихъ постановленій этого собора (419 года), въ книгѣ Правиль изложенныхъ подъ именемъ каноновъ собора кароагенскаго (1—42). Въ этихъ правилахъ, при томъ, *ordo ecclesiasticus* является уже какъ понятіе буквально тождественное съ дисциплиной. Епископъ Алипій, на примѣръ, изъ словъ котораго образовано 10 кароагенское правило нашей Книги Правиль, умышленіе пресвитера, осужденнаго епископомъ, воздвигнуть иной алтарь называетъ дѣломъ „противнымъ церковной вѣрѣ и уставу“; въ подлинникѣ—*contra ecclesiasticam fidem et disciplinam*. Относительно мѣропріятій противъ такого пресвитера соборъ, съ своей стороны, призналъ, что „мѣропріятіе, предложенное братомъ Алипіемъ, съ церковною вѣрою и съ церковною дисциплиною согласно—*disciplinae ecclesiast. et fidei congrua sunt*“¹¹⁷) и посему предложеніе Алипія—канонизовалъ. т. е. возвелъ въ правило (пр. 11). Кароагенскій соборъ 421 года открылся рѣчью Аврелія. Въ этой рѣчи Аврелій жаловался, что установленные дважды въ годъ соборы прекратились; но, благодаря Бога, вотъ теперь всѣ собрались во едино. „Мое недостойнство — говорилъ Аврелій, радуется, видя всѣхъ васъ вмѣстѣ! Сдѣлаемъ то, чего требуетъ польза церкви, дабы дѣла, которыя начали уже приходигъ въ разстройство, не пришли къ еще худшему! А для этого надобно пересмотрѣть дѣла, касающіяся церковной дисциплины“ (*ut ecclesiae causae, quae disciplinae congruunt, pertractentur*). Весь соборъ сказалъ: „пусть будетъ такъ, охотно слу-

¹¹⁷) Codex eccles. african. ed. Justelli, 1614, p. 73, ср. дѣл. стр. 114.

шаемъ“¹¹⁸). Каждому изъ африканскихъ епископовъ вмѣнено было въ обязанность посылать легатовъ на соборъ, на которомъ самъ епископъ быть не можетъ, который (легать) „и можетъ узнать о томъ, что соблюдая неприкосновенной истину вѣры (salva fidei veritate) соборъ опредѣлить“¹¹⁹). На соборѣ карфагенскомъ 397 года епископы Мавританіи ситифенской явились съ особыми мѣстными порученіями, которыя даны были имъ отъ другихъ епископовъ ихъ страны, о чемъ они и заявляли собору, прося его приступить къ обсужденію этихъ порученій. Относительно чего же были эти порученія? Сами депутаты заявили, что „относительно вѣры никейскаго собора мы слышали сужденіе“: по порученія, имъ данныя, касались не вопросовъ вѣры, а такихъ вопросовъ какъ: о совершеніи евхаристіи въ послѣобѣденное время въ отношеніи къ принятію пищи; о томъ, чтобы мѣстной церкви, отъ которой эти представители явились, позволено было обратиться къ свѣтской власти съ просьбою о понужденіи епископа, вторгшагося въ другую епархію, оставить предметъ его захвата. При этомъ послѣднемъ случаѣ епископъ Аврелій замѣтилъ, что такъ какъ по отношенію къ обвиняемому „правила дисциплины соблюдены“, *servata forma disciplinae* (онъ отказался добровольно исполнить предложеніе своихъ собратій, оставить захваченную епархію); то считать его *виннымъ*, не подлежащимъ болѣе суду собора, а къ тому, чтобы онъ сдѣлалъ должное—понудить его силою свѣтской власти¹²⁰).

¹¹⁸) См. Document. juris canonici veteris. Migne, Patrol. lat. t. 56, p. 876.

¹¹⁹) Ibid. 881. Здѣсь же видно характерное свойство того принципа пользы, по которому устроился церковный порядокъ: епископы не должны переходить съ невидной каедры на болѣе видную. Но „если польза церкви требуетъ быть тому“, то—это допускается и указанъ порядокъ, какимъ образомъ перемѣненіе должно дѣлаться.

¹²⁰) Но Книгѣ Правилъ пр. 59. Codex ecclesiasticus, Justell. p. 129. Книга Правилъ передаетъ, призываясь къ греческой редакціи правилъ: *φυλαξ-
-ήτιος τοῦ τῆς ἐκκλησίας, ἡ κερδῆ*, и проч. „по соблюденіи установленнаго обряда, да не признается“ и проч. Но это очевидная неточность. Какой, на примѣръ, можно было разумѣть „обрядъ“, который здѣсь предлагается къ соблюденію, какъ условіе того, что имѣть за исполненіемъ его послѣдовать?—Впрочемъ, переводъ Книги Правилъ сдѣланъ быть, кажется, по соображенію съ толкованіемъ Зонары, который понимаетъ здѣсь подъ „установленнымъ обрядомъ“ обрядъ лишенія священническаго достоинства, ибо, „непозволительно предавать посвященныхъ лицъ свѣтской

Кромѣ того, посланные просили сдѣлать постановленіе относительно числа епископовъ, имѣющихъ право рукоположить поваго епископа ¹²¹⁾, и постановленіе относительно того, кому и какъ извѣщать о днѣ празднованія пасхи и пѣк. друг. Въ заключеніе же всего предсѣдательствующій на соборѣ сказалъ: (теперь) „мнѣ кажется, все уже пересмотрѣно. Поэтому, если все согласно съ вашимъ мнѣніемъ, утвердите!“ Все это, очевидно, касалось исключительно того, что на соборѣ названо „forma disciplinae, τὸς τῆς καταστάσεως“, „образъ обстоянія“, по какому должна существовать та церковь, отъ которой явились депутаты съ особыми порученіями. На соборѣ 401 года встрѣчается такое разсужденіе: необходимо послать въ Римъ довѣренное лице, и уполномочить его просить гражданское начальство о разныхъ нуждахъ всей африканской церкви. Относительно одного обстоятельства однако поручено было — посмотреть, какъ поступаетъ церковь римская, чтобы потомъ возможно было и у себя послѣдовать порядку, принятому въ этой церкви.

власти для *наказанія*; если они (предварительно) не будутъ извержены“: какъ будто въ Африкѣ, въ концѣ IV-го вѣка, свѣтское правительство наказывало епископовъ такъ же, какъ это было при Зонарѣ! См. Правила съ толкованіями II, 1418.

¹²¹⁾ Этотъ случай замѣчательнъ тѣмъ, что онъ показываетъ, что 1 Апостольское правило, опредѣлившее: „епископа, да поставляютъ два или три епископа“, или было въ это время неизвѣстно въ Африкѣ, или вопросъ о точномъ числѣ епископовъ, какъ вопросъ дисциплинарный, почитался открытымъ, не введеннымъ въ каноны. Никомидійскіе депутаты сообщили собору, что „двое сосѣднихъ епископовъ дерзнули рукоположить одного архіерея“, что по правилу Апостольскому, конечно, правильно. Но депутаты, очевидно, находили это или неправильнымъ, или неудобнымъ, и потому просили „опредѣлить, чтобы хиротонія епископовъ совершалась не иначе, какъ *дванадцатью* епископами“. Противъ этой просьбы возразилъ епископъ Аврелій, паходя, что „сдѣланное предложеніе не можетъ быть выполнено“, потому что (въ примѣръ онъ указывалъ на себя) тамъ, гдѣ, почти каждый воскресный день бывають рукополагаемые нельзя собрать двѣнадцать или десять, ни даже гораздо менѣе епископовъ, „а въ Триполи и всего пять епископовъ“. Вслѣдствіе этого Аврелій полагаетъ, что „нужно соблюдать древній чинъ, чтобы число *не меньше трехъ* (non minus, quam tres) почиталось достаточнымъ“ для поставленія епископа. (См. *Justill*, p. 130—33; ср. Дѣян. Помѣст. Соб. СоІ. 128.—Изъ послѣднихъ словъ Аврелія и образовано 60-ое правило Карфагенскаго Собора, по нашей книгѣ Правиль.

Но чтобы ни чѣмъ не стѣсняягь уполномоченнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было: „предоставить ему полное право дѣлать все, что только, *будучи достойно вѣры*, въ какомъ либо отношеніи послужить къ *благоустройству церкви* и ко спасенію душъ: все сдѣланное имъ будетъ принято съ воздаяніемъ хвалы предъ Господомъ“¹²²⁾.

Теперь не безъ важно посмотрѣть, касалась ли этого вопроса о раздѣльности и соотношеніи вѣры и дисциплины русская богословская литература и какія воззрѣнія здѣсь были высказываемы. Здѣсь прежде всего въ разсматриваемомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе митрополитъ *Филаретъ*. Величайшему изъ богослововъ русской церкви по многимъ случаямъ и причинамъ приходилось не только указывать на различіе предметовъ вѣры и предметовъ дисциплины, но и настаивать на необходимости того, что бы различіе это не было упускаемо изъ виду, тѣмъ болѣе не было преднамѣренно такъ сказано утончаемо, ибо въ исторіи русской богословско-канонической мысли, и даже отчасти въ дѣятельности нѣкоторыхъ органовъ управленія можно было встрѣчать и то, что это различіе какъ бы само собою доходило до наименьшаго, когда учрежденія чисто дисциплинарныя въ нѣкоторомъ смыслѣ догматизировались тѣмъ, что были объявляемы даже для самой церкви неприкосновенными, или когда напримѣръ предапіе, въ отношеніи къ его обязательности, возводимо было на степень близкую къ вѣроученію или къ членамъ вѣры. Этимъ конечно, если и не понижалось значеніе вѣроученія непосредственно, то дѣлалось это по крайней мѣрѣ косвенно—тѣмъ, что значеніе дисциплины повсюду было во всякомъ случаѣ выше надлежащаго.—Какъ на типичныя разсужденія Филарета по изслѣдуемому вопросу, прежде всего можно указать на тѣ, въ коихъ устанавливаются Филаретомъ понятія а) догмата и канона и в) вѣры и предапія. Въ проектѣ постановки, какую должны были имѣть богословскія системы въ нашихъ зарождавшихся Духовно Учебныхъ учрежденіяхъ (это извѣстное „Обозрѣніе богословскихъ наукъ“ и проч.), Филаретъ выказалъ опасеніе возможности того, что въ школьныхъ системахъ будетъ не надлежаще разграничиваемо

¹²²⁾ Instell. p. 181.

ученіе вѣры отъ дисциплины и по этому пытался предотвратить такую возможность опредѣленіемъ точныхъ границъ между науками, долженствующими разрабатывать вопросы вѣроученія и вопросы дисциплины. Такъ, опредѣляя содержаніе „богословія созерцательнаго“, по современной терминологіи—догматическаго, Филаретъ здѣсь замѣчалъ, что „во всѣхъ почти системахъ, излагавшихъ богословіе созерцательное, находятся предметы по своему содержанію относящіеся къ другимъ частямъ богословія“. Къ этимъ предметамъ не относящимся къ богословію созерцательному онъ относитъ, напримѣръ, „ученіе о постановленіяхъ церкви и о соборахъ, которое можетъ быть соединено съ богословіемъ правительственнымъ“; дѣйствительные же предметы этого богословія суть „предметы созерцанія“ (*θεολογία*), истины ума, поколику, разумѣется, и умъ есть органъ вѣры,—такъ какъ вѣра начинается же познаніемъ приобретаемымъ отъ внѣ. Разсуждая же о каноническомъ правѣ, Филаретъ опредѣляетъ его такимъ образомъ: „подъ именемъ права каноническаго можно разумѣть: *законоположеніе порядка* и справедливости, заключающееся въ правилахъ св. Писанія, соборовъ и отцевъ церкви“. Что такое самый канонъ? Слово канонъ означаетъ: а) „всякое опредѣленіе церковнаго собора; б) частное опредѣленіе, относящееся до христіанскаго благонравія, благочинія и обрядовъ, въ какомъ знаменованіи *канонъ противоплагается догмату*, то есть, изображенному въ соборномъ же опредѣленіи *члену вѣры* и в) мнѣніе одного изъ богомудрыхъ отцевъ, получившее важность церковнаго правила“. Свойство опредѣленій соборовъ въ отношеніи къ ихъ обязательности по Филарету таково: „если эти опредѣленія не суть непремѣнныя слѣдствія *правилъ* (въ обширномъ смыслѣ слова — указаній) *Св. Писанія*, но только нѣкоторыя примѣненія оныхъ къ *известнымъ обстоятельствамъ*“, то таковыя опредѣленія „подобно симъ обстоятельствамъ—*не суть неизмѣнныя* и называются въ особенности правомъ церковнымъ, которое заимствуетъ свою силу не столько отъ божественной власти Св. Писанія, сколько отъ церковнаго согласія и постановленія“. „Продолженіе временъ“ (или историческій ходъ жизни церкви) образовало „разнообразіе правилъ, по разности временъ того (разнообразія) требовавшихъ“. По

сему „введенное какою либо церковною властію правило, не противное слову Божію, до толѣ (*толѣ*) твердо, доколѣ вышею, или по крайней мѣрѣ равною, властію не будетъ отмѣнено по важной причинѣ“. Изъ тѣхъ задачъ, которыя лежатъ на управленіи церкви и изъ цѣлей, къ достиженію которыхъ оно призвано (охранять порядокъ и справедливость, благонравіе и благочестіе, ср. сейчасъ выше сказанное), естественно и существу церкви не въ противность возникаетъ, по мысли Филарета „необходимость допускать съ благоразуміемъ новыя частныя правила по требованію вновь открывающихся обстоятельствъ“ въ жизни церкви, при условіи неизмѣннаго сохраненія общихъ началъ церковно устройства¹²³). Какъ мы уже знаемъ, по Филарету „единый чистый *источникъ ученія* вѣры есть откровенное слово Божіе“. Поэтому „несогласія между церквами должны почитаться важными потолику, поколику изъ противоположныхъ догматовъ затмѣвается истинное и спасительное познаніе Бога и Иисуса Христа“. Для дисциплинарной же стороны важнѣйшій (по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи) источникъ есть именно *преданіе*, или (что, быть можетъ, будетъ болѣе точнымъ выраженіемъ мысли богослова) по крайней мѣрѣ — Священное Писаніе и Преданіе—*оба смѣстѣ*, а посему здѣсь въ извѣстной степени могутъ имѣть мѣсто и соображенія чисто естественныя, въ ученіи вѣры, наоборотъ недолженствующія имѣть для себя мѣста. Латинское „предположеніе о несовершенствѣ св. Писанія—по мысли Филарета—клонится къ тому, чтобы дать болѣе важности преданіямъ человѣческимъ“. „Но какъ нѣтъ члена вѣры, который бы не былъ открытъ въ св. Писаніи; такъ молчаніе Писанія о какомъ либо преданіи показываетъ токмо то, что *сіе преданіе не есть членъ вѣры*“. Позволяя себѣ комментировать эти слова, мы предполагаемъ, что понимать ихъ должно такимъ образомъ: выраженіе о преданіи, „которое не есть членъ вѣры“, не обозначаетъ признанія со стороны Филарета того, что существуетъ преданіе, которое можетъ составить собою членъ вѣры, въ качествѣ такового обладающій неизмѣнностію,—а обозначаетъ лишь то, что—какъ скоро (догма-

¹²³) Собран. отзывовъ и мнѣній, т. I. 163.

тическое положеніе (т. е. положеніе вѣроучительнаго характера) или фактъ церковнаго быта основою своего существованія *не имѣютъ св. Писанія*, они подлежатъ такому же отношенію къ нимъ, которое указано было Филаретомъ касательно положеній права церковнаго, т. е. церковь есть полномочная распорядительница всего, что основывается на преданіи *внѣ осисвы Писанія* существующемъ, или—на преданіи въ условномъ смыслѣ слова¹²⁴⁾. Въ силу того, что важнѣйшій источникъ всей дисциплинарной области есть преданіе, Филаретъ въ право церковное, какъ устанавливающее дисциплинарныя нормы, въ качествѣ предварительной его части вводитъ ученіе о преданіи и ученіе о церкви и ея экономіи. Такъ какъ жизнь церкви не заключена въ неподвижныя формы (ср. выше разсужденіе Филарета объ условіяхъ установленія новыхъ правилъ по отношенію къ будущему; то отсюда м. Филаретъ допускаетъ, если можно такъ выразиться, колебаніе дисциплинарной стороны церкви—въ противоположность неизмѣнности вѣры, то есть *измненіе* преданнаго, и новое возвращеніе къ первоустановленію, ибо основаніемъ того или другаго установленія или рѣшенія въ области дисциплины иногда служило необходимое или полезное *при данныхъ условіяхъ* или для даннаго момента въ жизни церкви. Въ такомъ, напримѣръ, смыслѣ Филаретъ разсуждаетъ о вышедшемъ изъ практики чинѣ діакониссъ. „Отчего чинъ діакониссъ прекратился въ церкви? Оттого ли, что отцы наши менѣе насъ знали, что для церкви полезно, и что по времени удобно или неудобно? Я не почитаю возстановленія сего чина ни бесполезнымъ, ни невозможнымъ“¹²⁵⁾. Разумѣется при случаяхъ такого кругооборота, древнѣйшее правило дѣйствованія, по взгляду Филарета, *„при равенствѣ другихъ обстоятельствъ* должно быть

¹²⁴⁾ Слова и рѣчп, изд. 1848, II, 54. Нужно замѣтить, что Филаретъ различаетъ два вида преданій: „посредствомъ посланій (апостольскихъ)“, это—*писаное* преданіе и „преданіе посредствомъ слова“—неписанное преданіе. Последнее и есть преданіе въ наиболѣе употребительномъ или въ условномъ смыслѣ слова. Филаретъ употребляетъ и выраженіе: „преданіе вѣры“; но это не въ смыслѣ преданія какъ дополнительнаго источника ученія вѣры, а въ смыслѣ той преемственности ученія, которая служила къ сохраненію истины вѣры.

¹²⁵⁾ Письма къ Архим. Макарію, въ Чтен. Общ. Любит. 1872, стр. 101.

предпочитаемо менѣе древнему или новому—по достовѣрнѣйшей чистотѣ первенствующей церкви и по закону постоянства“¹²⁶). Относительной измѣнчивостью формъ дисциплины не нарушается обязательное единство въ вѣрѣ, что выражается едвали не характернѣйшимъ, среди многихъ разсужденій объ этомъ предметѣ, словомъ Филарета: „узель единства пересталъ ли быть крѣпкимъ (грозить ли разрывомъ), если ниже его кто нибудь усмотритъ расходящіеся концы нѣкоторыхъ нитей?“¹²⁷). На основаніи достовѣрнѣйшей чистоты первенствующей церкви „древнее преданіе“ должно имѣть силу въ жизни церкви, но эта сила не безусловна, а наоборотъ условна. Эта условность выражается конечно, прежде всего тѣмъ, что а) „членъ преданія, не долженъ равняться съ членомъ вѣры. Въ этомъ смыслѣ—разсужденія Филарета о молитвѣ за усопшихъ. „Если о молитвѣ за усопшихъ и нѣтъ въ Св. Писаніи особенной, опредѣлительной заповѣди, а выводится оное изъ понятій и заповѣдей болѣе общихъ; но если при томъ нѣтъ противъ сего въ св. Писаніи никакого и запрещенія, какъ и дѣйствительно нѣтъ: то самое сіе молчаніе Свящ. Писанія есть уже доказательство того, что моленіе за усопшихъ Богу не противно“, и слѣдоват. церковію предписано не произвольно. По вмѣстѣ съ тѣмъ или, скорѣе, потому самому

¹²⁶) Пелъзи, конечно, приписывать м. Филарету мысль о томъ, что *исключительно польза* должна составлять принципъ для церкви въ устроеніи дисциплины и распорядженіи ею: дисциплина должна быть провѣряема указаніями Слова Божія (полезно было бы, напримѣръ, пріобрѣтать прозелитовъ для церкви, но пріобрѣтать ихъ всеми возможными средствами, это будетъ полезность противная другимъ началамъ церковной жизни). Такъ, утверждая, что обычай погребенія усопшихъ при храмахъ—и „сообразенъ съ назначеніемъ храма и *правственно полезенъ*“, Филаретъ, однако прибавляетъ что „сіе изъясненіе не будетъ еще удовлетворительно для тѣхъ, кто знаетъ, что для обычая церковнаго, дабы онъ былъ правиленъ и чистъ, не довольно того, чтобы онъ былъ основанъ на *благовидныхъ соображеніяхъ и часовой пользѣ*, а надобно, чтобы онъ глубже и непоколебимѣе былъ утверждёнъ на непреложномъ и прямомъ свидѣтельствѣ Слова Божія, или—по закону единства церкви—былъ отъ первыхъ образцовыхъ временъ христіанства“ (Слова, *ibid.* 88. 90). Но гдѣ Слово Божіе представляетъ такъ сказать просторъ для церкви, тамъ принципъ служебнаго дала вѣры значенія дисциплины, и слѣдоват. оцѣнка ея съ точки зрѣнія часовой отъ нея для вѣры пользы, долженъ имѣть силу, по мысли Филарета.

¹²⁷) *Ibid.*, II 142.

моленіе за усопшихъ издревле существовало и существуетъ *не какъ торжественно возвыщенный существенный членъ вѣры, но какъ* благочестивое *преданіе и обычаи*, всегда поддерживаемый свободнымъ послушаніемъ вѣры“¹²⁸⁾. б) Преданіе подлежитъ испытанію какъ въ своей подлинности, такъ и въ руководственномъ значеніи для даннаго момента жизни церкви. Испытаніе преданій, въ отношеніи къ праву на это, имѣеть основаніе въ словахъ апостола о соблюденіи преданій (2 Солун. II, 15): если, говорилъ Филаретъ, „апостоль требуетъ отъ насъ не меньшаго вниманія и ревности къ преданіямъ, какъ и къ богодухновенному Писанію“, то „нужно ли что либо болѣе сего для удостовѣренія важности преданія и для побужденія къ *вѣрному* соблюденію оныхъ“? *Вѣрное соблюденіе* преданій создаетъ вопросъ о *вѣрности* самихъ преданій *по ихъ содержанию*: „вѣрно соблюдать невѣрное преданіе есть несообразность, которой, безъ сомнѣнія, не имѣли въ виду заповѣдавшіе намъ ученіе о преданіи“. Конечно, „преданія прошли чрезъ многія страны, народы, языки, чрезъ многія вѣка... Въ нѣкоторыхъ частяхъ преданій оказалось разнообразіе, простирающееся до противорѣчія“. Посему „сдѣлалось нужнымъ изслѣдованіе подлинности и достоинства преданій“, сдѣлалось „нужнымъ—испытывать чрезъ многія вѣка, чрезъ многія руки прошедшія преданія, суть ли онѣ истинныя апостольскія и святоотеческія, и не подвергались ли неправымъ измѣненіямъ“, вообще, „обращая вниманіе только на заповѣдь соблюдать преданія, не должно *слишкомъ* держать преданія, какъ нибудь упавшія на руки, безъ изслѣдованія и безъ разсужденія“¹²⁹⁾ не стараемся дознать ихъ подлинность, чистоту, достоинство“. Критерій для испытанія преданій: „испытывай преданіе посредствомъ слова Божія, и посредствомъ заповѣдей Божіихъ. Если преданіе противорѣчитъ слову Божію, если ведетъ къ нарушенію заповѣди Божіей: это будетъ человѣческое, не-

¹²⁸⁾ Ibid., 22—23.

¹²⁹⁾ Къ вопросу объ испытаніи преданій, которое, по мысли Филарета, иногда бываетъ дѣломъ обязательнымъ, должно отнести еще слѣдующее замѣчаніе м. Филарета: „непріятно входить въ споръ о древности при мысли о связынѣ; но нельзя же завязать себѣ глаза, или отрекаться отъ того, что видимъ“. Письма г-в Мурав. № 13’.

стинное преданіе, знакъ того, что такое преданіе соблюдалъ бы ты вотще“¹³⁰)! Что касается до вопроса о степени руководственнаго значенія преданія при посредствѣ умозаключенія отъ прошедшаго къ настоящему; то съ разсужденіями Филарета объ этомъ предметѣ мы еще встрѣтимся, при разсмотрѣніи спеціальнаго вопроса объ обычаяхъ и обрядахъ. Здѣсь же напомнимъ только правило Филарета: древнѣйшее правило (или древнѣйшій образъ дѣйствованія) должно быть предпочтено новѣйшему только *при равенствѣ другихъ обстоятельствъ*. Такъ, напримѣръ, у насъ, по мысли Филарета, избраніе архіереевъ изъ двухъ кандидатовъ было бы весьма желательнымъ, потому-что это было бы „возвращеніемъ къ апостольскому образцу“, и притомъ еще, въ свою очередь, „мысль объ апостольскомъ образцѣ преклонилась бы къ соглашенію и была бы оружіемъ противъ возраженій“¹³¹). Здѣсь обстоятельства, относящіяся до существа дѣла, заставляютъ думать, что существо это ничего не потеряетъ отъ того, сколько кандидатовъ на архіерейство каждый разъ будетъ представляемо: слѣдовательно должно быть предпочтено преданіе древнѣйшее уже по тому одному, что оно—древнѣйшее. Напротивъ, по мысли Фила-

¹³⁰) Филаретъ, какъ мы замѣчали, въ трактатѣ „о {разностяхъ“ утверждаетъ, что Слово Божіе, содержащееся въ Писаніи, есть единственный и достаточный источникъ ученія вѣры. Въ словѣ же „о преданіяхъ“ онъ говоритъ: „такъ какъ преданіе писанное простѣе и обычнѣе обозначается наименованіемъ Священнаго Писанія: то наименованіе *преданія* обыкновенно употребляется для обозначенія того, чему не посредствомъ Свящ. Писанія, но посредствомъ слова и примѣра мы научились отъ Св. Апостолъ и Свят. Отецъ (ibid. 55)“,—подразумѣвается: *не записаннаго* апостольскаго слова, а сохраненнаго устно, по преемству. Но спрашивается: въ числѣ того, чему мы научились отъ апостолъ только по преданію устному, или предаданію въ наиболѣе обычномъ употребленіи, не заключается-ли и нѣчто такое, что относится къ вѣрѣ? Пѣть, отдѣльно, само по себѣ преданіе, не составляетъ источника вѣроученія. „Преданіе—говорять Филаретъ—*не отдѣльно*, а въ совокупности съ Писаніемъ можетъ быть признаваемо *источникомъ ученія христіанскаго*“. А если такъ, то этимъ поясненіемъ Филарета дается важная черта различія между областями вѣры и дисциплины: послѣдняя имѣетъ въ преданіи не вспомогательный источникъ, а источникъ совершенно самостоятельный, и отношеніе этого источника къ Св. Писанію лишь то, чтобы усвоенная по преданію дисциплина не была противна Св. Писанію.

¹³¹) Письм. къ Мурав. № 331.

рета, „образъ дѣйствованія по древнему“, даже древнѣйшему преданію, долженъ прекратиться, когда обстоятельства настоящія не равны съ обстоятельствами древними. Въ такихъ случаяхъ отступающій отъ преданія „можетъ оставаться невиннымъ, а при особенныхъ обстоятельствахъ даже заслуживаетъ одобреніе“. Этотъ принципъ примѣняется Филаретомъ въ разсужденіи о ращеніи власовъ мужчиной ¹³²). Извѣстно, что апостоль (1 Кор. II, 14—15) выражался какъ о безчестіи для мужа, когда онъ раститъ власы подобно женѣ. Слѣдовательно первое преданіе, которое должно было быть усвоеннымъ и дѣйствительно христіанами было усвоено, есть преданіе *остриженія* волосъ. Но такъ какъ потомъ обстоятельства не всегда во всѣхъ отношеніяхъ оказывались равными; то время позднѣйшее допустило слѣдованіе обычаю обратному: это обычай ращенія волосъ лицами клира ¹³³).

Изъ мнѣній другихъ русскихъ богослововъ отмѣтимъ мнѣнія о соотношеніи вѣры и дисциплины преосв. Филарета Гумилевскаго (1867). Прежде всего, Филаретъ опредѣляетъ догматы, какъ „созерцательныя мысли откровенія о Богѣ и Его общеніи съ человѣкомъ“. „Какъ истины *созерцаемыя вѣрою*, и разсматриваемыя по частямъ, догматы вазываются *членами вѣры*“ (ср. митропол. Филарета). Филаретъ обращаетъ особенное вниманіе на то обстоятельство, нами выше отмѣченное, что „вселенскіе соборы называли догматами исповѣданія *вѣры*, а всѣ другія свои постановленія называли *канонами или правилами жизни*“, ибо каноны имѣютъ отношеніе не къ умосозерцаемому, какъ догматы, а къ жизни. Всѣ догматы, такимъ образомъ, какъ *мысли*

¹³²) О ращеніи власовъ, въ Прибавл. къ Твор. Св. отцовъ, ч. XIX, стр. 242.

¹³³) Измѣнившіяся условія въ отношеніи къ этому вопросу, по мысли Филарета, состоятъ въ томъ, что обычай стриженія волосъ сталъ требовать исключеній, основываемыхъ на нѣкоторыхъ аналогіяхъ и символическихъ идеяхъ, какъ напр. идея назорейства, *ibid.* Съ своей стороны можемъ указать и другой примѣръ: 13 правило собора Гангрскаго запрещаетъ пошеніе женщинамъ мужскихъ одеждъ. Слѣд. „древнимъ преданіемъ“ должно признать преданіе запрещенія. Но позднѣе нѣкоторыя женщины спасались перемѣнивъ свои одежды на мужскія, и церковь ублажаетъ ихъ, какъ святыхъ, не взирая на нарушеніе ими правила собора Гангрскаго. Таковы святыя Марина и Евфросинія.

Откровенія, заключены въ св. Писаніи, а отсюда, — всѣ догматы *божественнаго происхожденія*. Этимъ догматы отличаются „отъ истинъ христіанскихъ, но не заключающихся въ Божественномъ Откровеніи, напримѣръ, церковныхъ постановленій о богослуженіи и о благочиніи“. Но этими послѣдними словами о церковныхъ постановленіяхъ, *не заключающихся* въ божественномъ Откровеніи, авторъ не имѣетъ въ виду отрицать факты существованія постановленій послѣдняго рода *и въ Святомъ Писаніи*. Такъ въ ученіи о таинствахъ онъ раскрываетъ и то положеніе, что въ учрежденіи таинствъ существуютъ извѣстныя дѣйствія, данныя уже въ св. Писаніи, какъ напримѣръ употребленіе воды при крещеніи, вина и хлѣба при евхаристіи. Слѣдовательно, мысли Филарета иначе можно формулировать такъ: всѣ догматы несомнѣнно заключены въ Писаніи; но отсюда не слѣдуетъ, что только догматы и заключены въ Писаніи; и существенное отличіе догматовъ и канонныхъ — не въ происхожденіи, а въ содержаніи и происхожденіи вмѣстѣ. Дѣятельность церкви по отношенію къ первымъ есть только такъ сказать посредническая ¹³⁴), въ отношеніи же ко вторымъ не только таковая, но и творческая, а отсюда свойство первыхъ — абсолютная неизмѣнность, а вторыхъ неизмѣнность, и слѣдовательно обязательность, лишь условная. Но по мысли Филарета вопросъ о соотношеніи между вѣрою и дисциплиною, къ сожалѣнію, не всегда правильно ставится въ богословской наукѣ. По этому предмету онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія. Если догматы суть „откровенныя созерцательныя истины“, сознаваемые отдѣльно отъ истинъ практическихъ, то — говоритъ Филаретъ, — „нарушится требованіе науки и вводится въ умъ путаница мыслей“, когда смѣшиваются эти двѣ области, а это смѣшеніе и дѣлается въ системахъ догматики. Теперь напримѣръ „въ рѣдкой Римской догматикѣ не найдете трактатовъ о почитаніи ангеловъ и святыхъ, о почитаніи иконъ и мощей, тогда какъ самое слово: почитаніе говоритъ, что

¹³⁴) Ибо догматомъ будетъ не все то, что найдетъ таковымъ каждый, читающій Св. Писаніе, а что признаетъ таковымъ лишь Церковь. Посему къ догмату также приложимо условіе церковности (догматъ Церкви), какъ оно прилагается къ дисциплинарной сторонѣ.

эти предметы относятся къ ученію о христіанской *жизни*. Доселѣ также рѣдкая протестанская догматика не говоритъ о значеніи вѣры для христіанина, тогда какъ то и другое относится къ практикѣ. Если думаютъ, что помянутыя практическія мысли получаютъ особенную важность, когда ставятся въ ряду догматовъ: то напрасно думаютъ... Практическая истина оттого, что поставляютъ еѣ въ ряду созерцательныхъ истинъ не станетъ святѣе¹³⁵). Конечно,ображенія автора могутъ вызывать нѣкоторыя недоумѣнія. Но возможность такихъ недоумѣній будетъ, очевидно, лишь слѣдствіемъ нѣкотораго недоговора въ его разсужденіяхъ, что и необходимо принимать во вниманіе. Такъ, если въ самомъ дѣлѣ, какъ то выражаетъ и самъ Филаретъ“, созерцательныя истины христіанства по своему свойству находятся въ неразрывной связи съ правилами жизни“: то очевидно многіе догматы *относятся не къ одному умозрѣнію*, но и къ жизни, и не только вслѣдствіе того нравственнаго вывода, который изъ нихъ слѣдуетъ, но главное потому, что самое существованіе инаго изъ догматовъ церкви такъ сказать становится ощутительнымъ только при извѣстныхъ проявленіяхъ догматической мысли во вѣѣ, въ дѣятельности, соотвѣтствующей извѣстному ученію. Возьмемъ— *молитву*. Конечно, прежде всего *молитва* есть предметъ *впроученія*, потому-что только вѣрою мы постигаемъ религиозную цѣлесообразность молитвы, въ силу каковой цѣлесообразности она есть актъ разумный въ христіанствѣ—и потому *моленіе къ Богу* есть догматъ, истина созерцательная. Но введеніемъ молитвы въ систему догматовъ не можетъ исчерпаться вопросъ о молитвѣ: является вопросъ о *молитвѣ какъ днѣствіи*, и слѣдовательно является вопросъ о *канонѣ молитвы*, и догматическое ученіе переходитъ въ область ученія чисто практическаго. Филаретъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что и *вопросъ о почитаніи*, въ частности о почитаніи иконъ и святыхъ, относится не къ созерцательной области. Но и при этомъ не пужно упускать изъ виду также и слѣдующаго. *Почитаніе* Бога, то есть, обязанность извѣстнаго выраженія чувствъ благоговѣ-

¹³⁵) Догмат. богосл. изд. 3 ч. I, стр. 2, 4—5, примѣч. 25. „И русскіе догматисты идутъ вслѣдъ западныхъ“, прибавляетъ Филаретъ.

нія, есть несомнѣнно догматъ, основа котораго есть *вѣро-ваніе: доказуемость* необходимости почитанія какъ чисто вѣ-шняго выраженія внутренняго состоянія души можетъ быть только относительная. Возникло же ученіе, несомнѣнно съ совѣстливою, хотя и заблуждающеюся, вѣрою въ справедливость этого ученія, что Богъ въ почитаніи человѣка не нуждается,—причемъ эта ненадобность почитанія была постав-ляема въ прямое отношеніе съ мыслями самого Откровенія о Богѣ, то есть, со словами Господа женѣ Самарянской. Но вопросъ о *способахъ почитанія* Бога, а отсюда — и вопросъ о почитаніи святыхъ и ангеловъ, не будетъ уже вопросомъ чисто теоретическимъ: рѣшить его возможно только одновременно съ признаніемъ или отверженіемъ опять тѣхъ или другихъ *дѣйствій*, служащихъ выраженіемъ почитанія, слѣдовательно, необходимо долженъ существовать не только догматъ почитанія Бога, но и *канонъ богочитанія*, въ который въ свою очередь войдетъ рѣшеніе тѣхъ практиче-скихъ вопросовъ, на которые указывалъ Филаретъ.—При-нявъ же во вниманіе это, что, разумѣется, не было неиз-вѣстно и Филарету, но что не было имъ договорено, по-тому-что ему здѣсь (въ его догматикѣ) не было для этого повода, мы должны будемъ признать, что Филаретъ былъ, въ наукѣ по крайней мѣрѣ, одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ выразителей той идеи, что фактамъ всякаго порядка должно быть свое мѣсто въ научной системѣ, такъ какъ въ церкви все имѣетъ свое значеніе, и что этимъ соединеніемъ неравно-значущихъ началъ въ одно ни въ какомъ отношеніи ничего полезнаго не достигается....

Наконецъ, того же самого вопроса приходилось касаться и самой власти русской церкви по побужденіямъ чисто практическимъ. Древнѣйшій поводъ къ этому былъ поданъ, конечно, расколомъ старообрядства. Поэтому уже въ Скри-жали патріарха Никона, а въ послѣдствіи и въ Увѣща-тельныхъ пунктахъ Св. Синода (1801 г.), мы встрѣчаемся съ намѣреніемъ показать различіе между *вѣрою* и *чиномъ*, между вѣрою, какъ необходимымъ условіемъ для спасенія и „вещами нѣкими средними“, безразличными для спасенія, — ибо вопросъ о соотношеніи вѣры и дисциплины въ то время у насъ и возникалъ главнымъ образомъ по при-чинѣ отождествленія богослуженія съ вѣрою и поставленія

въ равнозначущее того, что дано въ самомъ Откровеніи, съ исторически развивающимся богослужебнымъ чиномъ и даже случайными особенностями чина. Для того, чтобы всякій могъ познать, „какая суть нужная и существенная вѣры наша“, для этого никоновская Скрижаль отсылаетъ читателя къ Православному Исповѣданію. О чинахъ же по мысли Скрижали должно разсуждать прежде всего, что „не взявъ церковь наша изначала образъ сей послѣдованіе, еже держитъ нынѣ, но по малу. Обаче—зане сохраняешеса непремѣнно таяжде вѣра, ото всѣхъ прочихъ церквей, не возможно сіе разиство чина творити, да вмѣнять тогда еретическія или раздорныя: (наоборотъ) — не подобаетъ ниже нынѣ нещевати, яко развращается *вѣра* наша православная, аще одинъ творитъ послѣдованіе свое мало различнымъ, токмо да согласитъ въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною (каолическою) церковью“¹³⁶). Напоминаніе о различіи чиновъ и вѣры, какъ извѣстно, не имѣло и не имѣетъ того практическаго послѣдствія, которое было бы желательно: богословствующая мысль простаго нашего народа продолжаетъ ихъ смѣшивать, за что, впрочемъ, едва-ли кто произнесетъ надъ народомъ осужденіе.... Теорія „среднихъ вещей“ въ Увѣщательныхъ пунктахъ представляется таковой: въ церкви христіанской есть „нѣкія вещи ко благочестію ниже нужная суть, ниже вредная“¹³⁷). „Среднія вещи не самыя собою сильныя суть; но отъ воли властей законныхъ имѣютъ силу“, то есть, существованіе ихъ совершенно условно. Тѣмъ не менѣе, и такія среднія вещи—не внѣ всякаго права и не предоставлены единственно индивидуальной свободѣ: „и таковая средняя, свободѣ христіанской подлежащая, не всякому человѣку перемѣнять или оставлять или вновь заводить позволено“: право на это имѣютъ только соотвѣтствующія власти. Но „если кто вещь *сред-*

¹³⁶) См. въ протоколахъ СПБ. Общества Любит. Духовн. Просвѣщ. годъ I, стр. 196.

¹³⁷) Дополненіе этого выраженія такимъ объясненіемъ, какъ это дѣлается *ibid.* стр. 251,—будто это суть вещи „которыя служатъ къ украшенію Церкви“—притязуетъ на очень простое рѣшеніе очень сложнаго церковноканоническаго вопроса. Мысль, что все это составляетъ только украшеніе, будетъ несогласна ни съ происхожденіемъ таковыхъ вещей въ Церкви, ни съ сущностью многихъ изъ нихъ.

ною поставитъ въ крѣпкій догматъ, тотъ уже еретичествуеть, такъ какъ похищаетъ себѣ власть Божию, представляетъ себя властителемъ совѣстей человѣческихъ“¹¹⁸⁾). Въ новѣйшемъ изъ оффиціальныхъ документовъ, изшедшихъ отъ русскаго церковнаго правительства, въ посланіи Св. Синода къ Константинопольскому патріарху по поводу грекоболгарской распри (изд. въ 1871 г.) вопросъ объ отдѣльности вѣры отъ дисциплины проведенъ съ такою опредѣлительностью, какой не доставало въ раннѣйшихъ оффиціальныхъ памятникахъ, притомъ съ той особенностію, что ранѣе обыкновенно указуемо было различіе не принципиальное, а главнымъ образомъ различіе въ примѣненіи къ пѣкоторымъ частнымъ вопросамъ (богослужебнаго порядка, обряда въ собственномъ смыслѣ и т. п.): теперь же возбуждены были и пѣкоторые вопросы принципиальнаго характера.—Какъ извѣстно, константинопольская церковь желала созванія Вселенскаго собора для рѣшенія болгарскаго дѣла. Святѣйшій Синодъ категорически призналъ это совершенно излишнимъ. Ибо—а) „вселенскіе соборы могутъ быть созываемы только по дѣламъ, касающимся *вселенской вѣры*“ и б) и притомъ по дѣламъ такъ или иначе имѣвшимъ отпощеніе или вліяніе на „основные догматы православія, каковыми дѣлами въ эпоху бывшихъ Вселенскихъ соборовъ были ереси“, угрожавшія опасностію *самой вѣры христіанской*. Между тѣмъ — какова сущность болгарскаго вопроса? Онъ именно и не касается вѣры, а только церковнаго порядка. „Вопросъ греко-болгарскій не касается основаній нашей святой вѣры и не угрожаетъ опасностію ни одному изъ ея догматовъ: болгары и не помышляли о какой либо перемѣнѣ въ вѣрѣ и ея истинахъ. Ни мало этотъ вопросъ не касается и всей Вселенской церкви, для которой совершенно безразлично, останутся-ли болгары въ теперешней іерархической зависимости, или получаютъ законнымъ образомъ большую или меньшую независимость, или даже законно образуютъ самостоятельную церковную область, лишь бы они во всѣхъ этихъ случаяхъ оставались вполне вѣрными православію и безпрепятственно могли пользоваться всѣми средствами къ преслѣванію въ вѣрѣ

¹¹⁸⁾ ibid., стр. 302—3.

и благочестіи. *Этотъ вопросъ относится исключительно къ церковному управленію и касается одной мѣстной церкви Константинопольской*. Что касается до того обстоятельства, вынуждающаго, повидимому, и вопросы дисциплины ставить не какъ вопросы нисшаго, по сравненію съ вопросами вѣры, порядка, что дисциплиною занимались также и Вселенскіе соборы: то, по мысли Посланія, обстоятельство это еще ничуть не сближаетъ въ отношеніи къ значимости вопросы дисциплины и вопросы вѣры: „Вселенскіе соборы рѣшали *между прочимъ* и вопросы относительно управленія и богослуженія даже частныхъ церквей, по отсюда отнюдь не слѣдуетъ, будто для этихъ именно послѣднихъ вопросовъ и созывались Вселенскіе соборы“. Т. е. иначе сказать, *эти вопросы могли и могутъ обходиться совершенно безъ общецерковнаго обсужденія и установленія: рѣшеніе ихъ вселенскимъ обсужденіемъ было только попутнымъ*. „Такъ и нынѣ: если бы какіе вопросы вызвали необходимость созвать вселенскій соборъ; то онъ могъ бы заняться между прочимъ и рѣшеніемъ болгарскаго вопроса и другихъ подобныхъ“. Но „созывать соборъ собственно для болгарскаго вопроса значило бы умалять значеніе самаго Вселенскаго собора“ ¹³⁹⁾, вводя въ область его компетенціи то самое, что всегда считалось предметомъ самостоятельнаго распоряженія отдѣльныхъ церквей, которыя не утратили преемства въ храненіи благодати священства. Ибо — можно сюда прибавить — „для сего Духъ Святой частнымъ церквамъ, законно освоеннымъ и законно состоящимъ изъ членовъ, и поставилъ Епископовъ какъ правителей, главъ и начальниковъ“ (Послан. Восточн. Патр. гл. 10), и они уже были бы таковыми только по имени,

¹³⁹⁾ Посланіе напечатано, между прочимъ, въ Православи. Обзор. 1871 г., т. I.—Споръ Грековъ съ болгарами въ существѣ дѣла сводился къ тому, что требовалось рѣшить: абсолютно-ли неизмѣненъ порядокъ церковной жизни, т. е. способы существованія церкви въ отношеніи къ управленію, или же онъ „можетъ быть опредѣленъ въ томъ или другомъ виѣшнемъ видѣ сообразно пользѣ христіанъ и благу Церкви“. Перваго возрѣнія держится константинопольскій патріархъ; втораго—болгары. Но патріархъ очевидно упустилъ изъ виду, что въ такомъ случаѣ *устройство виѣшнее* будетъ равнозначуще съ вѣрою,—случайности во виѣшнихъ церковныхъ особенностяхъ будутъ тоже, что члены вѣры и т. д.

если бы частная церковь, ими руководимая, не оказалась исполненной внутреннихъ силъ настолько, чтобы придти къ достойному церкви рѣшенію подобныхъ вопросовъ, конечно, требующихъ просвѣщеннаго благодатію разумѣнія самыхъ основъ жизни Церкви Христовой.

Такимъ образомъ, раздѣльность вопросовъ вѣры и вопросовъ дисциплины ни какъ не есть только идея, созданная богословской наукой: сознаніе этой раздѣльности лежитъ въ основѣ самаго существованія церкви и всегда было присуще ей, какъ необходимое условіе правильнаго хода ея внѣшней и внутренней жизни.

В. Випарисовъ.
